

Мелодия во мне

Автор:

Элисон Скотч

Мелодия во мне

Элисон Винн Скотч

Нелл Слэттери выжила в авиакатастрофе, но потеряла память. Что ожидает ее после реабилитации? Она пытается вернуть воспоминания, опираясь на рассказы близких. Поначалу картина вырисовывается радужная – у нее отличная семья, работа и жизнь в достатке. Но вскоре Нелл понимает, что навязываемые ей версии пестрят неточностями, а правда может быть очень жестокой.

Воспоминания пробиваются в затуманенное сознание Нелл благодаря песням – любимым композициям, каждая из которых как-то связана с эпизодом из ее жизни.

Элисон Винн Скотч

Мелодия во мне

© Красневская З., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Кэму и Амелии, которые сделали мою жизнь похожей на песню.

Пообещай, что ты никогда не забудешь меня, потому что, если я буду думать, что ты меня забудешь, я никогда не уйду.

Алан Александр Милн

Любимые мелодии Нелл Слэттери

1. «Have a little faith in me» - Джо Кокер
2. «Sweet Child O' Mine» - песня хард-рок-группы Guns N' Roses
3. «Running on Empty» - Джексон Браун
4. «Every Breath You Take» - рок-группа The Police
5. «Eleanor Rigby» - The Beatles
6. «You Can't Always Get What You Want» - The Rolling Stones
7. «Don't Stop Believing» - рок-группа Journey
8. «There Is a Light That Never Goes Out» - рок-группа The Smiths
9. «Let the River Run» - Карли Саймон
10. «Into the Mystic» - Ван Моррисон
11. «Ramble On» - рок-группа Led Zeppelin
12. «Forever Young» - Боб Дилан

Глава первая

Б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п...б-и-и-п...

Веки словно налиты свинцом. Противный звук буквально вонзается в череп. Дышать трудно. Такое чувство, будто кто-то высыпал мне в легкие полную песочницу, а потом взял и перемолол весь песок на блендере. Я пытаюсь вдохнуть и слышу, как из груди вырывается свист, похожий на собачий лай.

Б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п...

Да это же будильник, наконец доходит до меня. Ну да! Звонит мой будильник. Я с трудом приоткрываю один глаз. Потом пытаюсь проделать то же самое со вторым. Поначалу он категорически отказывается повиноваться, но все же через какое-то время веки с трудом разлепляются, попутно стряхивая с ресниц засохшую грязь, уже успевшую превратиться в корку. Я пытаюсь повернуть голову. Куда запропастился этот чертов будильник? Надо немедленно отключить его! Но, к своему удивлению, обнаруживаю, что не могу пошевелить шеей, потому что она закована в какие-то скобы, а сама я лежу, обложенная со всех сторон подушками, которые поддерживают меня и не дают упасть.

Что со мной? Где я? Усилием воли заставляю себя оглядеться. Каждой вдох-выдох дается с огромным трудом. Воздух вырывается из груди с таким клокотом, что перекрывает дребезжание будильника.

В углу комнаты нерешительно мнетя какой-то высокий мужчина. Плечи у него слегка опущены, как у бывшего футболиста. Рядом с ним женщина с изможденным лицом, испещренным глубокими морщинами, в которых утонули ее глаза. По всему видно, что оба они вымотаны сверх всякой меры, можно сказать, совсем без сил. Каштановые волосы мужчины упрятаны под бейсболку, из-под козырька которой выглядывает давно не бритое лицо. Светло-бежевая майка с какой-то шуточной надписью на груди перепачкана пятнами кофе, на измятых джинсах виднеются следы кетчупа. У женщины вид не лучше. Видавшее виды цветастое платье с преобладанием алого, которое вполне можно принять за халат или ночнушку, кудрявые волосы собраны на затылке в нелепый узел, что делает ее похожей на какой-то диковинный гриб.

– С чего вы взяли, что она была беременна? – слышу я шепот мужчины. Я хочу приподняться, чтобы получше расслышать, о чем они говорят. Расслышать и понять... Но чувствую, что не могу и пошевелиться. Все тело болит. Я ранена? Или что-то другое?

– А разве ты не знаешь? – тоже шепотом отвечает ему женщина.

– Чего не знаю? – Мужчина опускается на подлокотник кресла, стоящего рядом с ним.

Женщина принимается медленно растирать ему спину, бездумно пялясь долгим взглядом в окно, за которым открывается унылый пейзаж: сплошная вереница закопченных черепичных крыш. И во взгляде ее такая мука и боль, что кажется, еще немного, и женщина не выдержит и рухнет под тяжестью свалившегося на нее горя.

Я пытаюсь издать нечто похожее на стон, привлечь их внимание к себе, показать, что я слышу их, вижу, но во рту пересохло, а язык отказывается повиноваться мне.

– Пойду принесу кофе! – говорит мужчина, поднимаясь с кресла.

Посмотри на меня! Посмотри на меня! – мысленно молю я и чувствую, как усиливается звон будильника. Б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п... б-и-и-п...

И наконец он бросает взгляд в мою сторону.

– О господи! Нелл! Кажется, она пришла в себя!

Мужчина бросается ко мне и хватается за руку.

Я молча киваю в ответ. Или это мне только кажется, что я киваю.

Уже в следующее мгновение женщина оказывается рядом и в ту же минуту поворачивает голову в сторону открытой двери и кричит громко-громко:

– Она очнулась! Срочно пошлите за доктором Мэчт!

Потом женщина снова поворачивается ко мне, и я вижу, что она плачет. Плачет и осторожно гладит мой лоб.

– О боже! Слава богу, Нелл! Ты пришла в себя!

Но я не понимаю, что означают ее слова. И кто эта женщина? Я ее не знаю! Возле кровати в ногах возникает фигура крепкого мужчины. Он принимается неспешно изучать мою медицинскую карту, висящую на спинке кровати, потом начинает манипулировать какими-то приборами, внимательно считывает циферки, вслушивается в непрекращающееся пиканье. Но вот он сдвигает свои очки на кончик носа и правой рукой слегка приглаживает волосы, уже совсем седые на висках, но все равно шевелюра густая и пышная. Потом он молча отодвигает мужчину и женщину в сторону, словно это какие-то неодушевленные предметы, и устремляет свой взор на меня.

– Нелл! Меня зовут доктор Мэчт! Мы счастливы, что вы с нами. Вы знаете, где находитесь?

Я молчу. Тогда он повторяет свой вопрос.

– Нелл! С вами произошел несчастный случай. Догадываетесь, где сейчас находитесь? – Он резко вскидывает руку в воздух и поворачивает голову в сторону посетителей. – Так! Всех посторонних прошу немедленно покинуть палату. Здесь разрешается находиться только медперсоналу.

Мужчина и женщина неподвижно застывают на месте.

– Ну же! – командует он нетерпеливо. Зрители нехотя покидают комнату, просачиваясь через дверь, словно медленно стекающая в раковине вода. Остаются лишь несколько шушукающих между собой медсестер, доктор Мэчт и та пара, мужчина и женщина.

– Нелл! – Он осторожно усаживается на край кровати. – Нелл! Вы попали в авиационную катастрофу. Помните что-нибудь из того, что с вами случилось?

Мои глаза округляются от ужаса. Я чувствую, как больно впиваются зубы в нижнюю губу. Помню ли я что-нибудь? Самолет? Какой самолет? Как я туда

попала? Нет-нет! Это было не со мной! Авиационная катастрофа? Но я же ничего не помню! Разве можно забыть такое? Конечно же, невозможно! Значит, это была не я!

– Ничего! – с трудом шепчу я, чувствуя, как струя воздуха душит меня. – Я не помню никакой авиационной катастрофы.

Пожилая женщина, похожая на гриб, подходит ко мне с чашкой, в которую вставлена соломинка. Вставляет соломинку мне в рот и кивком головы подбадривает, чтобы я зажала соломинку зубами. Наконец я справляюсь с этим и делаю глоток. Боже! Какое наслаждение! Воистину манна небесная! Вода вливается в меня, и я буквально физически ощущаю ее живительную прохладу, которая заполняет мою гортань. Потом вода медленно перетекает в желудок, размягчая залежи песка, невесть откуда взявшегося там.

– О'кей! Пока все нормально! – Доктор Мэчт поворачивается к высокому мужчине и его спутнице. – Мы ожидали именно такую реакцию. Повторяю: пока все в норме. – Потом он снова обращается ко мне: – А что вы вообще помните из своей прошлой жизни? Попытайтесь вспомнить хоть что-то! Ну же! Расскажите мне о себе! Что помните...

Я отрицательно мотаю головой, насколько мне позволяют скобы, которыми перехвачена шея.

Доктор кивком головы приглашает мужчину подойти поближе к кровати. Мужчина подходит, бережно гладит пальцами мои спутанные волосы и тут же начинает плакать. Он рыдает безмолвно, но я вижу, как рыдания сотрясают все его тело.

– Успокойся, Питер! – обращается к нему женщина. – Все будет хорошо! Вот увидишь!

Мужчина молча кивает в ответ и громко всхлипывает. Такой звук, будто это дельфин зовет кого-то на помощь. Мужчина делает еще одну безуспешную попытку успокоиться и побороть приступ рыданий. Но глаза его, ввалившиеся, красные, по-прежнему залиты слезами. По всему видно, что он никак не может справиться со своими эмоциями. Более того, он даже не знает, как и с чего следует начинать.

Вспоминай же, ради всех святых! Вспоминай!

Сознание ускользает от меня. Я буквально чувствую, как оно ускользает, как пульсирует кровь в висках, как стекленеют глаза. Дыхание становится коротким и прерывистым, бурно вздымается и опускается грудная клетка. И боль... страшная головная боль, такая нестерпимая, что, кажется, лучше умереть.

Питер обхватывает своими громадными ручищами мое лицо, словно понуждая оставаться в сознании, не погружаться снова в пучину мрака и неизвестности.

- Нет! - тихо шепчу я уже из последних сил. - Простите меня! Но нет! Я ничего не помню.

- Я - твой муж! - почти кричит он мне в ответ, но его голос отдается лишь слабым эхом, долетающим до моего слуха откуда-то издалека. Из очень дальнего далека. И это последнее, что я осознаю, прежде чем снова погрузиться в небытие. И сразу же меня накрывает тишина.

* * *

Когда я снова прихожу в себя, уже во второй раз, то вижу, что женщина-гриб сидит на стуле рядом с моей кроватью. Она спит. Пиканье уже не такое безумно быстрое. Оно негромко повторяет каждый удар моего сердца, почти незаметно для слуха. Конечно, сердце стучит, и этот стук отдается тем же противным звуком. Но я уже воспринимаю его как фоновый шум. Вроде как такое местечко на теле, куда тебя все время шпынял когда-то братец, вот ты и перестала обращать внимание на то, что там болит.

В углу работает телевизор, звук слегка приглушен, видно, чтобы не потревожить меня. Но оставленной громкости вполне достаточно, чтобы понять, о чем там вещают.

Идет какая-то новостная программа. В нижней части экрана бегущей строкой сообщаются последние новости. Какой-то парень маячит на фоне госпиталя. Слышится сирена кареты «Скорой помощи». Но репортер даже не реагирует на этот вой: либо не слышит, либо слишком возбужден, чтобы обращать внимание на посторонние звуки. Он продолжает тараторить скороговоркой.

– Как уже сообщалось сегодня утром, Нелл Слэттери, одна из двух выживших пассажиров в авиакатастрофе самолета, следовавшего рейсом 1715, вышла из комы. Как мы ранее рассказывали нашим телезрителям, спасатели обнаружили миссис Слэттери примерно в двухстах ярдах от места падения самолета. Она сидела в своем кресле и была пристегнута ремнями, а рядом с ней находился второй уцелевший пассажир – актер Андерсон Кэрролл. По словам специалистов, ведущих расследование причин катастрофы, вполне возможно, этих двух пассажиров вынесло из салона взрывной волной вместе с сиденьями за несколько мгновений до того, как самолет коснулся земли, или в самые первые секунды столкновения с землей. На теле миссис Слэттери практически нет серьезных ушибов или ран, а вот голова... тяжелейшая контузия... сильнейшее сотрясение мозга... До сегодняшнего утра медики категорически отказывались делать какие-либо прогнозы насчет состояния здоровья своей пациентки. Но сегодня утром больная вышла из комы, и, по словам лечащих врачей, это просто грандиозная новость.

– Я рад засвидетельствовать, что новость действительно превосходная! Пациентка очнулась! Это правда! – Я узнаю голос доктора Мэчта и тут же вижу его на экране. Он стоит на некотором возвышении, в окружении плотного кольца репортеров. Непрестанно следуют вспышки фото- и телекамер, прямо в лицо ему тычут множество микрофонов. – Да! Нелл Слэттери пришла в себя и оставалась в сознании несколько минут. Разумеется, законы врачебной этики не позволяют мне рассказывать вам в подробностях, как все это было. Но я счастлив повторить еще раз: наша больная очнулась, пришла в себя. Это замечательно! Мы и дальше будем постоянно держать вас в курсе того, как будет протекать ее реабилитация.

Ее – это значит моя. Нелл Слэттери! Мое имя? Я мысленно повторяю его несколько раз. А что? Звучит вполне привычно. Получается, что меня зовут Нелл Слэттери. Я снова напрягаю память, пытаюсь вспомнить хоть какие-то подробности авиакатастрофы. Это же надо, чтобы меня вынесло, вытолкнуло прочь из огненного шара, в который, судя по всему, превратился взорванный самолет. Какой же силой должно обладать земное притяжение, чтобы побороть это пламя и спасти меня от неминуемой гибели. Невероятно! Пытаюсь вспомнить, но ничего не получается. В голове одна пустота. Полный провал в памяти.

Я снова поворачиваю голову к экрану.

– Вы уже, наверное, в курсе того, – продолжает трещать репортер, – что история чудесного спасения миссис Слэттери и мистера Кэрролла буквально потрясла всю страну. А уж новость о том, что пациентка пришла в себя, вызвала самый настоящий взрыв энтузиазма в госпитале. Не сомневаюсь, это известие тоже взволнует всех наших телезрителей.

– Невероятно! Не могу поверить! Это сам Господь явил нам такое чудо! – кричит какая-то женщина прямо в камеру. – Господи! Благослови эту молодую женщину и Андерсона Кэрролла! Их чудесное спасение укрепляет нашу веру в Бога.

– Именно так! – соглашается с женщиной репортер. – Эти же самые слова сегодня повторяет вся страна. Воистину, сегодня – день надежды, день нашего благодарения и день, когда кажется возможным все, даже самое невероятное. Нелл Слэттери, которую спасатели обнаружили неделю тому назад среди сельскохозяйственных угодий штата Айова, одна из двух пассажиров, чудом выживших после страшной авиакатастрофы рейса 1715, унесшей жизни ста пятидесяти двух человек, сегодня пришла в сознание. Будем и дальше держать вас в курсе того, как протекает процесс ее восстановления. С вами был Джейми Рэардон, который счастлив лично засвидетельствовать чудо, произошедшее сегодня. Прощаюсь до следующего сеанса связи, который состоится, как только мы получим свежие новости.

Кивок головой с экрана – знак того, что надо переключаться на телестудию. Жаль, что он уже закончил. Пусть бы еще остался... Хоть на немного. Что-то в его лице есть успокаивающее... и то, как он излагает факты... никакой официальнойщины. В общем-то рассказывает страшные вещи, быть может, самые страшные из того, что случались в моей жизни, но вот поди ж ты! Мне почему-то совсем не страшно.

Джейми Рэардон, Джейми, Джейми Рэардон! Почему ты не слышишь их? Какая-то мелодия вклинивается в мое сознание, нагромождение нот, незатейливая песенка, не более того. Ее напев готов уже вот-вот сорваться с моих губ. Я буквально чувствую, как вибрирует мотив у меня в горле. Еще немного, и я рассмеюсь от удивления. Надо же! Я хочу петь!

Женщина пошевелилась на стуле и тут же вперила в меня свой взгляд, даже не протерев сонные глаза.

– Нелл! – Она бросается ко мне, ее грудь накрывает меня, словно одеяло, я слышу слабый запах меда, которым пахнет ее мыло. Пока в голове никаких ассоциаций: полнейший туман, лишь отдельные проблески чего-то полузабытого, смутные, зыбкие, но от них делается почему-то тепло и покойно. – Я – твоя мама, Нелл! – восклицает женщина, отрываясь от меня. И я слышу, как позвякивают золотые браслеты на ее руках. Она нежно касается руками моего лица, гладит по щекам. У нее мягкие и ласковые руки. И внезапно она повторяет вслух мелодию, которую я только что сочинила.

Мы улыбаемся друг другу.

– Ты всегда так делала, когда была маленькой. По любому поводу тут же сочиняла песенку. Обо всем на свете. А иногда ты даже милостиво позволяла мне попеть вместе с тобой. Чтобы, так сказать, гармонизировать мелодию в дуэте.

– Как жаль! Но я ничего не помню... прости...

Улыбка сбегает с моего лица, голос срывается. Но женщина лишь прикладывает палец к губам.

– Ш-ш-ш-ш-ш... Не плачь, моя радость. Тебе не за что просить у меня прощения. Ты жива! Ты здесь, со мной! Я так благодарна судьбе за все! Поэтому ни о чем не печалься.

– Тут новости показывали... Это правда? – Я киваю в сторону телевизора.

– Давай пока не будем об этом! Эти новости... они все такие печальные.

– Но это правда, да? Все эти люди погибли?

Женщина вздыхает и нервно сплетает пальцы рук.

– Да. Это правда. Ваш самолет следовал рейсом из Нью-Йорка в Сан-Франциско. Спустя два часа после начала полета самолет рухнул на землю. – Лицо женщины моментально становится белым. – Пока еще не установлена причина, по которой случилось крушение. – Она нетерпеливо взмахивает рукой. И я снова слышу

мелодичный перезвон ее браслетов. – Давай-ка я лучше попытаюсь рассказать тебе кое-что о твоём прошлом. Вдруг это поможет тебе вспомнить все остальное. Ты работаешь в художественной галерее. Тебе тридцать два года. Ты живешь в Нью-Йорке. – Женщина на мгновение умолкает. – Ну что? Вспомнила что-нибудь?

Я отрицательно мотаю головой.

– А Питер? Он мой муж?

Я сосредоточенно хмурю лоб, стараюсь представить себе тот мир, в котором этот мужчина находится рядом со мной. Ничего не получается! И, что еще страшнее, я не чувствую никакой близости с ним. Неужели он мой муж? Я погружаюсь в размышления. Он и я?

– Все! Хватит на сегодня умственных упражнений! – Мама решительным движением натягивает мне на грудь простыню до самого подбородка, словно я маленькая девочка. Потом наклоняется, целует в лоб, и я слышу, как она тихонько напевает тот же мотив, словно пытаюсь успокоить меня. Будто эта мелодия есть тот бальзам, который прольется на мою душу и исцелит ее. – На сегодня хватит и того, что есть. У нас впереди много времени, чтобы потихоньку вспомнить все. Будем вместе оглядываться в наше прошлое и вспоминать. И постепенно ты получишь ответы на все свои вопросы.

Да, получу! Мысленно соглашаюсь я. Мы будем вместе вспоминать мое прошлое. И тогда, возможно, в один прекрасный день я вспомню все и смогу начать жизнь сначала.

Глава вторая

Сестра поправляет одну из трубочек капельницы, подсоединенной к моей руке, я открываю полусонные глаза. Мама в палате нет, но ее присутствие все равно ощущается. На стенах развешаны многочисленные фотографии, на прикроватной тумбочке кипа фотоальбомов. По всей вероятности, в них заключено все мое прошлое. Они должны напомнить мне о том, кем я была до

того ужасного мгновения, как меня выбросило вместе с креслом из объятых пламенем самолета и я очутилась на каком-то кукурузном поле, после чего впала в кому.

- Доброе утро, Нелл. Как себя чувствуете? - интересуется у меня медсестра.

- Разбитая вся какая-то. Пить очень хочу. И миллион вопросов.

Сестра улыбается и подает мне специальную кружку для питья с узеньким горлышком.

- Мы отправили вашу маму в отель. Надо же ей хоть немного поспать. Но она скоро приедет. А это все она оставила для вас по рекомендации доктора. Я сейчас позову его. Пожалуй, он сумеет ответить хотя бы на некоторые из ваших вопросов.

Сестра кладет один из альбомов прямо передо мной и уходит.

Я остаюсь в палате одна. Одна, совсем одна, наедине с чужой жизнью, которая когда-то была моей.

Открываю альбом на первой странице. На меня смотрят смеющиеся веселые лица. Мужчина, тот, который мой муж Питер, рядом я. Где же это нас сняли? Судя по всему, на океанском побережье. Голубая гладь на заднем плане отливает на солнце стеклом. У мужа на лоб сдвинуты защитные очки аквалангиста, я - в алом бикини, с облупленным от загара носом. Медленно листаю страницу за страницей. Все фотографии сливаются в одну: какие-то незнакомые лица, дружеские компании, вскинутые вверх кружки с пивом, фужеры с коктейлем «Маргарита» за стойкой бара, пляж, просторные ухоженные апартаменты, и все - чужое. Ни одна из фотографий не вызывает во мне ни малейших воспоминаний. Женщины на фотографиях все как на подбор хорошенькие, но в принципе ничего особенного. Большинство - в темных джинсах и светлых майках с весьма скромными вырезами. Мужчины еще пока в приемлемой форме, без излишних накоплений жира в области живота, и лысины ни у кого не просматриваются. Судя по снимкам, моя прошлая жизнь была вполне респектабельной: все весьма солидно и достойно. Беда лишь в том, что я ничего не помню, а потому не могу признать эту жизнь своей. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь переключить ход своих мыслей на что-то другое. Ведь я же

самое настоящее ходячее чудо. Еще бы! Спрыгнуть с небес и остаться целой и почти невредимой. Уже одно то, что я лежу здесь и пытаюсь понять, что за люди запечатлены на принесенных фотографиях, есть самое настоящее чудо. Я осталась в живых, и это главное... пока... Я устало откидываю голову на подушку. Но кто я? Галерист? Искусствовед? Известная женщина, твердо стоящая обеими ногами на земле, которой все восхищаются, которой завидуют? Которая заседает во всяких благотворительных комитетах, помогает, обучает, возится в семейных центрах «Инна-сити кидс» с подростками, проявившими хотя бы крохи способностей к рисованию и живописи? Кажется, да, все это про меня. Звучит вполне логично. Получается, что моя прошлая жизнь была просто фантастически интересной и насыщенной.

Кто-то негромко покашливает у дверей. Я открываю глаза и бросаю взгляд на дверь. Какой-то парень с копной золотистых кудрей на голове, такой прикольный чел, выражаясь молодежным сленгом, такого хулиганистого типа и явно из числа золотой молодежи. Но он сидит в инвалидной коляске и терпеливо дожидается, пока я замечу его. Присматриваюсь повнимательнее: какой-то он весь сморщенный, бледный, но черты лица красивые, особенно скулы. Встретишь такого на улице и невольно оглянешься, и не раз, пожалуй. Я чувствую, что краснею под его цепким взглядом. Или это его красота на меня так подействовала?

– Простите меня, Нелл, за вторжение. Я к вам буквально на одну секунду. Можно?

Я молча киваю, не в силах побороть свое смущение. Медсестра подкатывает его коляску прямо к моей постели.

– Спасибо, Алиса! Назад я сам как-нибудь доберусь.

– Нажмите на кнопку вызова, когда захотите вернуться к себе. И я тотчас же прибегу! – роняет девушка на ходу, даже не поворачивая головы в нашу сторону. И добавляет игривым тоном: – Явлюсь по первому же зову!

А она явно кокетничает с ним, недоуменно соображаю я. Но зачем? Почему она флиртует с этим парнем?

– Как я понимаю, вы меня не помните? – спрашивает он осторожно.

– К сожалению, нет! Не помню.

– Все нормально! Все в порядке! – Парень небрежно взмахивает рукой, и я вижу татуировку на внутренней части запястья. Несколько необычно... изможденная худая фигура, какой-то застиранный больничный халат, инвалидная коляска и... татуировка. – Я просил врачей, чтобы мне позволили навестить вас после того, как вы очнетесь. Невероятно! Но уже прошла целая неделя с того... как это все случилось. – У него срывается голос, и он сконфуженно умолкает. – Меня зовут Андерсон Кэрролл. Хотя вы не помните меня, хочу сказать вам, что это именно вы спасли мне жизнь.

– Простите, я что сделала? – Я сосредоточенно хмурю лоб, напрягаю изо всех сил мозги, пытаюсь что-то вспомнить. Тщетно! Такое впечатление, что мои «серые клетки» полностью атрофировались, потому что ими не пользовались бог знает сколько лет. Словом, чистый лист бумаги...

– Мы с вами сидели рядом в самолете. Видите ли, я... ну да! Я немного перебрал со спиртным. Со мной такое бывает иногда, особенно в полете. Вот и на этот раз выпил слишком много водки с тоником и как-то сразу отключился. Когда начались неполадки на борту, вы меня разбудили, пристегнули к креслу ремнями, велели опустить голову и свернуться калачиком, чтобы хоть как-то уберечься и не видеть того, что будет потом. – Он отрывисто роняет слова, слегка гнусавя, будто у него заложен нос. – Послушайте! Я до сих пор не понимаю, что нас спасло. Но мы с вами – единственные, кто уцелел. Одно я знаю точно: своим спасением я обязан вам. Если бы вы не пристегнули меня ремнями к креслу, то ошметки моего тела разлетелись бы в радиусе десяти миль от места крушения, не меньше. Да! Вы спасли меня! Иначе и не скажешь!

Какое-то время я молча созерцаю его, пытаюсь обдумать услышанное. Мысли в голове путаются. Но, кажется, я правильно расслышала этого человека. Он сказал, что я спасла его. Получается, что в том крошечном аду я повела себя по-геройски и кто-то даже обязан мне своей жизнью.

– Рада познакомиться с вами.

Я осторожно касаюсь языком воспаленной верхней губы, потом умолкаю, собираясь с мыслями.

– Расскажите мне, пожалуйста, как я все это проделала. И прошу вас, не волнуйтесь вы так!

Нечто отдаленно похожее на волну удовлетворения прокатилось по моему телу. Оказывается, я все еще могу, могу успокаивать людей. Значит, мне и раньше приходилось принимать какие-то решения, за кого-то отвечать... Наверняка приходилось! Хотя что-то нового я о самой себе узнала. Пока только это.

– Вы все время разговаривали со мной... и держали меня за руку... Говорили, что нужно думать о чем угодно, но только не о том, что творится вокруг. И тогда мы стали вспоминать наши любимые песни, мелодии, стихи... Вокруг творилось нечто невообразимое... Хаос... но...

Парень снова умолк. Потом продолжил после короткой паузы:

– Да, вокруг царил хаос. Крики людей, вспышки, запах дыма и гари... Словом, тихий ужас! Не знаю, как вам это удалось, но вам это удалось! Потому что только благодаря вам я не сошел с ума.

– А кого я назвала в числе своих любимых исполнителей?

– Простите, что?

– Я спрашиваю, какую группу я назвала своей самой любимой?

– Ах, это! – Он склоняет голову набок и задумывается. – Если честно, то не припоминаю, чтобы мы называли конкретные имена. Впрочем, я вообще мало что помню.

– Если честно, то я тоже! – слабо пошутила я, сама удивляясь тому, что еще могу шутить.

– Вы у нас сегодня знаменитость номер один.

Кэрролл кивает на глянцевый журнал, лежащий у него на коленях. На обложке мы с ним: он – веселый, жизнерадостный, красивый, пышущий здоровьем. Одним словом, само совершенство. Говорю же, встретишь такого красавца на улице и

неприменно оглянешься, и не раз! Актер крепко обнимает за талию какую-то сногшибательную красотку с внешностью фотомодели. Парочку сфотографировали на выходе из ночного клуба. А вот и я! Темно-синий кардиган, серьги с жемчугом. Выгляжу я так, как может выглядеть особа, никогда в жизни не переступавшая порог ни одного ночного клуба. Куда мне до этой светской прелестницы? Никакого сравнения! Нет, нет и еще раз нет! Это не я! Я ведь герой, всегда готова в огонь и в воду...

Чуть ниже огромными буквами набран заголовок: «История чудесного спасения».

– Не самые удачные фотографии они выбрали! – торопливо, словно оправдываясь, роняет Кэрролл, заметив, как я слегка скривила рот, будто только что надкусила кислый апельсин. – Я сам терпеть не могу подобные снимки. Наверняка отыскивали первые попавшиеся в Интернете.

– Здесь у меня такое унылое выражение лица, будто я за всю свою жизнь ни разу не улыбнулась.

Андерсон смеется, и я тоже смеюсь. А почему бы мне и не посмеяться над собой?

– Вообще-то я имел в виду только себя и свою фотку, – морально поддерживает меня собеседник. – Одним словом, хочу повторить еще раз: я перед вами в неоплатном долгу. Так сказать, должник на всю оставшуюся жизнь! Честное слово! А потому готов выполнить любое ваше желание... Если вам вдруг понадобится какая-то помощь, я всегда к вашим услугам.

Я чувствую, как где-то в основании черепа возникает головная боль, которая тут же растекается по всему телу. Я непроизвольно кривлюсь от этого приступа боли, и парень мгновенно улавливает мое состояние.

Его рука тянется к кнопке вызова.

– А вас самого сильно помяло в этой переделке? – спрашиваю я у него, не желая отпускать от себя так сразу. Не хочу снова погружаться в пучину боли. Да, я устала, это правда. Но общество этого человека мне странным образом приятно. Я чувствую себя рядом с ним комфортно, раскрепощенно. В его поведении нет ничего от болезненного напряжения, почти на грани стресса, которое постоянно демонстрируют мне мама и муж.

– Сломано несколько позвонков. Но самое ужасное, что теперь я надолго буду прикован к этому креслу! – Он с силой ударяет по подлокотнику инвалидной коляски.

– Получается, что мы оба еще легко отделались.

– Выходит, что так. Хотя перспективы на восстановление работоспособности у меня не самые веселенькие. У меня ведь были запланированы съемки... в Ди-Мойне... еще до наступления осени. Ну а теперь об этом и мечтать не приходится.

– Съемки? – удивляюсь я, и в тот же момент на меня, словно озарение, сходит та информация, которую я почерпнула из новостной телевизионной программы. Редкие мгновения, когда память снова возвращается ко мне, возвращается и тут же снова уходит. – Ах да! Вы же актер! Понятно!

– Вы правы. Я актер.

– Полноценный или из тех, кто подвизается на ролях типа «Кушать подано!»?

Кэрролл раздражается веселым смехом.

– Честно признаюсь, что я отпахал и в этом качестве несколько лет. Хотя слуга был из меня никудышный. Но сейчас, – он слегка откашливается. Видно, внезапно до него доходит осознание своего нынешнего статуса, – но сейчас я уже не бегаю по сцене в качестве прислуги и не сшибаю чаевые, изображая официанта в каком-нибудь фильме. То есть зарабатываю себе на жизнь и без чаевых то там, то здесь. – Он слегка пожимает плечами. – Участвую в большом телешоу на правах ведущего. Плюс съемки в кино...

Кэрролл улыбается ослепительной белозубой улыбкой. Да он же самая настоящая кинозвезда, доходит до меня наконец.

– А я вас узнала? Ну там, на борту самолета...

– Возможно! – Он снова неопределенно пожимает плечами. – Мы ни о чем таком не говорили сначала... А потом я быстро отключился.

Я пытаюсь вообразить себе, о чем именно мы могли беседовать с этим белозубым красавцем, сидя в салоне первого класса: я со своей унылой физиономией, запечатленной на обложке глянцевого журнала, и он. Ничего дельного в голову не приходит, а потому принимаю все сказанное им как данность. О чем-то же мы с ним говорили? Так, мило поболтали о пустяках. Да, именно так! О пустяках...

Я громко вздыхаю.

– Боюсь, мне здесь тоже придется задержаться надолго. Хотя, конечно, у меня впереди не маячит участие в съемках какого-нибудь шикарного фильма...

– Ну уж не прибедняйтесь, пожалуйста! Вы ведь летели на встречу с какой-то супер-пупер-модной художницей из числа тех, что ныне у всех на слуху. – Он энергично встряхивает головой. – Вот только имени ее я, к большому сожалению, вспомнить не могу. Кажется, Гармони... Фейт? Или я ошибаюсь? Вроде она из хиппи.

Моя мать уже упоминала о том, что я имею отношение к какой-то художественной галерее. Я снова напрягаю мозги. Раз я галерист, то вполне резонно, что я летела на встречу с художницей. Но увы! – не срабатывает. Слова Кэрролла не вызывают у меня отторжения, нет. Но и никаких воспоминаний тоже.

– Кажется, я пообещал вам, что когда вернусь в Нью-Йорк, то обязательно наведаюсь в вашу галерею и даже что-нибудь куплю для себя.

– Это вы серьезно? Или просто так, обычный светский треп? Такой необязательный флирт, что ли...

Он смущенно опускает голову и виновато улыбается. По лицу этого парня можно читать все, как по открытой книге.

– Я замужем! – на всякий случай напоминаю я ему.

Он снова пожимает плечами.

– Тогда все гораздо сложнее, чем я себе представлял.

Сложнее? Не понимаю! Что сложнее? Ничего не помню!

– К тому же вы еще совсем юнец! Полагаю, не больше двадцати двух?

– Двадцать восемь! Я просто выгляжу моложе своих лет. – Кэрролл делает глубокий вдох. – Но кажется, я вас порядком утомил. Пора мне сматывать удочки. Я ведь просто хотел поблагодарить вас, и все!

Я чувствую, как тяжелеют мои веки. Но прежде чем отпустить парня восвояси, я беру с него обещание, что завтра он снова навестит меня. Появляется медсестра и увозит его в палату. На прощание он кладет глянцевый журнал на мою кровать, рядом с фотоальбомами, заполненными фотографиями незнакомых мне людей. И я лишний раз задаюсь вопросом, прежде чем снова погрузиться в сон. Как так случилось, что я ничего не могу вспомнить из своей прежней жизни? А ведь она задокументирована буквально по часам... сотни снимков, и никаких ассоциаций. Никаких!

* * *

Пошли уже четвертые сутки после того, как я вышла из комы, полторы недели с момента авиакатастрофы. За это время меня подвергли всем известным на сегодняшний день тестам и обследованиям: МРТ, УЗИ, компьютерная аксиальная томография, пробы на содержание активного кислорода в крови, еще какие-то тесты, названий которых я просто не помню. Со мной имел беседу больничный психиатр, меня проверили на уровень интеллекта (скольких американских президентов вы можете назвать? Выяснилось, что ни одного, но тут вовремя подсуетился мой муж Питер. Он убедил психолога, что у меня никогда не было особой тяги к истории и знаю я ее из рук вон плохо). То есть я сдала массу анализов, прошла все обследования, но так и не приблизилась к главному. Вопрос о том, что именно вызвало потерю моей памяти, остался открытым.

Физически я тоже ощущаю себя пока не вполне в норме. Правда, сегодня с меня сняли шейный гипс, но запястье левой руки по-прежнему в лубке, там вроде обнаружена какая-то трещина. Синяки на спине – видно, повреждены несколько верхних ребер. Во всяком случае, стоит мне пошевелиться чуть сильнее

обычного, и тут же острая боль пронзает все тело. Но в целом, если не считать многочисленные рубцы и струпья на лице, с моим телом все более или менее в порядке. Зато голова... То есть если бы не голова, то можно было бы сказать, что я почти здорова.

Мама повесила над моим изголовьем какие-то магические кристаллы. Говорит, они исцеляют. Видно, думает, что она умнее всех остепененных докторов со всеми их званиями и титулами, которые представляют, так сказать, официальную ветвь медицины. И конечно, продолжает без усталы пичкать меня нескончаемыми просмотрами слайдов, запечатлевших мою прежнюю жизнь. Но ничего из тридцати двух прожитых мною лет так и не всплыло в моей памяти. Я спросила об отце. Где он? Мать сказала, что его больше нет с нами. Он ушел, когда я была еще подростком. Оказывается, он был очень известным художником. Но стоит мне начать задавать дополнительные вопросы об отце, и мама тут же дает задний ход. Она умело избегает ответов, обещает объяснить, как все было, потом, позже... Когда я окрепну и окончательно поправлюсь.

Вчера меня навестила Саманта, моя подруга по колледжу, мы с ней даже когда-то жили в одной комнате. По внешнему виду – кожа да кости. Худосочность почти на грани клинического истощения. Несмотря на смуглость кожи – кровь чернокожих предков дает о себе знать, – так и хочется освежить ее лицо каким-нибудь ярким гримом. Я узнала Саманту только потому, что она присутствует на множестве фотографий, в том числе и свадебных. Или сделанных где-нибудь на отдыхе: вот мы стоим обнявшись в фирменных майках женского землячества нашего университета, вот еще где-то... Десятки фотографий, на которых мы запечатлены с глуповатыми улыбками на лицах, как это бывает у молодых, когда впереди у них еще целая жизнь. Эдакие триумфаторы, которым ничего не страшно. Вот такой у нас настрой, а соответственно, и вид. А сейчас Саманта сидит рядом с моей постелью и с трудом сдерживает слезы. Впрочем, как и все другие – мама, мой муж Питер. И всем им это плохо удастся. А потому я то и дело слышу подавленные всхлипы, шмыганье носом, от меня отворачиваются, становятся ко мне боком, подставляя плечо, на которое я якобы могу опереться.

После Саманты меня навещает моя младшая сестра Рори, типичная представительница нового поколения. Ничего общего со мной. Огненно-рыжие волосы, по меньшей мере на голову выше меня, зеленые глазища цвета спелого мха. Ее красота такая яркая и броская, что невольно хочется зажмуриться. Остается только восхищаться и удивляться тому, как же точно сошлись воедино

все эти гены с ДНК, чтобы породить в итоге такое совершенство. Она выдавливает из себя довольно жалкую улыбку и тут же с готовностью сообщает мне, что, оказывается, мы с ней на пару руководим художественной галереей. Я тоже улыбаюсь в ответ, причем вполне искренне. Мне нравится сама мысль о том, что нас двоих что-то связывает по жизни, кроме родственных уз. Приятно сознавать, что вот мы, две сестры, храбро бросились покорять город Нью-Йорк. Правда, сейчас мы совершенно чужие друг другу люди, но ведь когда-то же мы были сестрами. Это приятно, это греет душу, даже несмотря на то, что я совершенно не знаю и не помню свою сестру. Сейчас! Но когда-то же я ее знала! Когда-то же, в той, другой моей жизни... И мне нравится осознавать, что в той моей прежней жизни присутствовала и эта красивая девушка тоже.

– Это я во всем виновата! – восклицает она, возвращая меня в день сегодняшний, и я вижу, как дрожат мускулы на ее лице. По всему видно, что она не может себя контролировать и отчаянно борется со слезами, которые вот-вот польются по щекам. Ее прекрасные зеленые глаза виновато смотрят на меня и тут же заполняются слезами. Еще немного, и слезы потекут ручьями, оставляя дорожки на ее безупречной коже. – Ведь обычно это я встречаюсь с художниками, но тут Хью купил билеты на концерт Брюса Спрингстина накануне выходных, и тогда вместо меня вызвалась лететь ты. И я согласилась.

Как бы между прочим Рори поясняет мне, что Хью – это ее парень, с которым они вместе уже около двух лет, и что сейчас он дожидается ее в отеле. Он прилетел вместе с ней сюда в качестве моральной поддержки, что ли. Намеревается пробыть здесь по крайней мере до понедельника, когда нужно будет выходить на работу. Сестра доверительно сообщает мне, что в скором времени они хотят объявить о своей помолвке. И тут же спохватывается, что сболтнула лишнее. Разве можно в обществе таких искалеченных людей, как я, вести разговоры о собственном счастье?

– Никто ни в чем не виноват, – успокаиваю я сестру, а сама между тем думаю: а может, и виноват! Может, это как раз ее вина! И у меня есть все основания ненавидеть ее сейчас. Кто мне ответит на этот вопрос? Только не я!

Саманта отдежурила со мной две ночи подряд, прежде чем вернуться к себе. Дома ее ждет работа – она юрист в какой-то крупной компании, рабочая неделя не менее восьмидесяти часов в неделю. Плюс семья, муж, который трудится в инвестиционном банке не менее ста часов в неделю.

– Иногда я грущу о тех временах, когда нам было по двадцать, – неожиданно признается она мне, натягивая на мой торс студенческую майку с эмблемой нашего женского землячества, а потом щелкает своим айфоном, запечатлевая меня на память. Спереди на майке надпись большими буквами: ГОЛЬФ-ВЕЧЕРИНКА. Саманта поясняет мне, что именно в таком прикиде мы всегда являлись на главную вечеринку года, организуемую землячеством. Шатались из одной комнаты общежития в другую, и в каждой комнате нам предлагали отведать какой-нибудь новенький коктейль. Тусовались, одним словом.

– И ты у нас всегда была самая трезвая! До последнего сохраняла ясность ума и держалась на своих двоих. А все-таки веселое это было время! – вздыхает Саманта. – Помнится, мы все старались напоить тебя, уламывали в каждой комнате. Но не тут-то было! Ты и в двадцать была ужас до чего серьезной и самостоятельной.

Саманта раздражается веселым смехом. Я понимаю, что она хотела сказать мне комплимент, но почему-то ее слова больно задевают меня. Я молча окидываю взглядом унылую обстановку в своей палате. Вот ведь какие фортели может выкинуть жизнь, размышляю я. Так стоит ли так уж рано взрослеть и быть не по годам серьезной, когда еще есть время и можно просто подурачиться?

– А как мы познакомились? – спрашиваю я у подруги, гадая, как же это случилось на самом деле. Наверняка на какой-нибудь вечеринке в кампусе или где-нибудь на лоне природы во время очередного пикника. А может, я сидела, погруженная в дрему на каком-нибудь семинаре по истории искусств, и она меня попросту растолкала, вот и пришлось представиться. Или мы гуляли по территории кампуса, случайно столкнулись, и нас в ту же минуту притянуло друг к другу, словно магнитом. Нет, все это неправда. Что бы я себе там ни напридумывала, что бы она сейчас мне ни рассказала, все это – неправда! Я точно знаю, что это не может быть правдой. Хмурое лицо с обложки журнала, именно кома таким особам и к лицу! Разве это унылое создание способно на какие-то порывы? Да она и понятия не имеет о том, что такое дружба!

– О, довольно забавно все получилось! – откликается на мой вопрос Саманта. – Мы познакомились в первую же неделю после начала занятий. В студенческой столовке, за завтраком. Мы обе взяли лотки с сухим завтраком. Оглянулись по сторонам, ни одного знакомого лица. Наверное, потому и решили сесть рядом. Ведь мы же еще никого не знали.

– Да, довольно банальная история знакомства. Даже в письме домой нечего написать.

– Это уж точно! – весело рассмеялась она. – Но мы сумели извлечь максимум выгоды даже из первой реплики, которой мы обменялись, залив молоком свой попкорн. «Вкуснотища!» – помнится, сказал кто-то из нас, и это стало нашим общим паролем на долгие годы.

Я смотрю на нее непонимающим взглядом. Улыбка медленно сбегает с ее лица.

– Ну это шутка такая. Шутливая реплика мультяшного героя Тони Тигра. Он изображен на всех упаковках с сухим завтраком. Я тебе потом как-нибудь расскажу о нем.

Всю первую неделю Питер являлся ко мне в палату утром, словно по расписанию, и каждый раз ставил в вазу свежий букет маргариток.

– Это – твои самые любимые, – пояснил он, когда впервые принес маргаритки.

– Неужели? – вполне искренне удивилась я. Странно! Разве могут быть незатейливые маргаритки у кого-то любимым цветком?

– Ну если честно, – тут же колется он, – то маргаритки ты полюбила после того, как я преподнес их тебе на первом свидании. И постепенно у нас это как бы вошло в традицию. Я всегда дарил тебе только маргаритки. Хотя и понимал, что, возможно, в глубине души ты и восклицала в этот момент: «Неужели я не заслуживаю чего-нибудь лучшего?»

Он рассмеялся, но его смех был скорее похож на затянувшуюся икоту.

– Конечно же, мне следовало самому додуматься, что тебе хотелось получить что-то более изысканное, элегантное, нечто такое, что радовало бы глаз не один день. Но ты – это есть ты! Получив букет маргариток, ты лишь сказала, что цветы очень милы и они тебе нравятся. Не стала третировать такого деревенщину, как я, посмевшегося явиться на свидание с охапкой дешевых цветов. Словом, я душил тебя маргаритками почти целый год, и в конце концов ты таки их и полюбила уже по-настоящему.

Питер смущенно качает головой.

– Если честно, то на момент нашего знакомства с тобой маргаритки – это были единственные цветы, которые я мог себе тогда позволить.

– А какие цветы были моими любимыми на самом деле? Без обмана? – задаю я свой следующий вопрос, пытаюсь мысленно представить себе, как же все было на самом деле. Он мой муж, но пять лет назад был в статусе ухажера, без этой маски безутешной печали на лице, которую он нацепил на себя сейчас. И вот мой кавалер засыпает меня букетами маргариток. Я, тоже на пять лет моложе, еще не догадываюсь о том, что ждет меня впереди. Парень мне явно нравится, коль скоро я позволяю ему душить меня своими маргаритками. Я улыбаюсь. Все довольно мило! Особенно когда не знаешь, что тебя ждет в будущем. Но даже если бы и знала, все равно очень мило! Он промахнулся по части выбора цветов, а я не захотела ставить его в неловкое положение, указывать на опрометчивость и прочее. Что ж, выходит, он мне точно нравился, быть может, я даже была от него без ума. Хотя он ведь такой высоченный... Наверное, приходилось становиться на цыпочки, чтобы поцеловать его. И такой широкоплечий. Пожалуй, если бы он навалился на меня спящую, то с легкостью мог бы и раздавить. Я вдруг почувствовала, что мне приятно пытаться воспроизводить в своей памяти именно такие интимные подробности. А почему бы и нет?

Мой муж! Как-то звучит немного непривычно для моего нынешнего слуха. Непривычна даже сама мысль, что у меня есть муж. Но коль скоро я его любила когда-то, то, вполне возможно, сумею полюбить снова.

Питер сосредоточенно морщит лоб, пытаюсь вспомнить, какие же цветы я любила на самом деле.

– Черт! Забыл, как они называются! Кажется, гиацинты. Тебе нравился их аромат. Ты говорила, что они напоминают тебе детство. Постараюсь завтра принести тебе гиацинты. Может, это поможет.

– Может! – вяло откликаюсь я. И мы с надеждой смотрим друг на друга. А вдруг и правда гиацинты сотворят чудо и помогут мне вспомнить все?

Наконец все посетители уходят. Я остаюсь одна. Погружаюсь в сон, но перед этим старательно вспоминаю. Тщетно! Мне нечего вспоминать! Такое

впечатление, что я впустую напрягаю некий орган тела, который на самом деле мне не принадлежит. Странное ощущение. Просто фантом какой-то. Именно фантом! Так оно и есть. Но с другой стороны, как я могу сгибать свою ногу, если она не является частью всего остального моего тела? И как можно сжать руку в кулак, если мозг не пошлет соответствующий сигнал в нервные окончания пальцев?

Из телевизионных передач я отдаю предпочтение репортажам Джейми Рэардона. Репортер местной студии новостей, он продолжает держать в курсе последних событий о нашем чудесном спасении телезрителей единственного национального канала, который транслируется в госпитале. Кого-то он мне определенно напоминает. Кого именно, вспомнить не могу, но видеть его лицо мне почему-то всегда приятно. Такое чувство, будто он мой старый добрый приятель... или первая школьная любовь... или даже брат. Он такой сильный, такой надежный... И хотя для меня Джейми – всего лишь изображение на экране, все равно я воспринимаю его как своего друга.

Иногда меня навещает Андерсон, и тогда мы смотрим репортажи Джейми вместе. В сущности, мы чужие друг другу люди, и одновременно не совсем чужие. Молча пялимся на экран, слушаем, как Джейми сообщает телезрителям все новые и новые подробности крушения и нашего удивительного спасения, и они, эти подробности, моментально разлетаются по всему свету. Мы обмениваемся с Андерсоном короткими репликами. Дескать, какое это счастье, что мы остались в живых, и прочее, стараясь не думать в такие мгновения о неприятном. О чувстве вины, которое испытываешь при мысли о том, что вот ты жив, а другие нет. И каково это семьям тех, кто погиб! И конечно, никто из нас не затрагивает самый главный вопрос, который постоянно витает в воздухе. Почему мы? Почему именно мы? Впрочем, пока с нас достаточно и простого осознания того факта, что мы живы. А если возникает потребность в дополнительной информации, то ее с лихвой удовлетворяет Джейми со своими репортажами, пытаюсь ответить на те вопросы, которые мы даже не смеем задавать самим себе.

* * *

На пятый день после моего возвращения к жизни в моей палате появились сразу и одновременно доктор Мэчт, моя мать и Питер. Мама инстинктивно хватается за дистанционный пульт и отключает телевизор. Видно, чтобы ничего не мешало

предстоящему разговору.

– Нелл! Мы должны кое-что сообщить вам, – начинает доктор Мэчт. За его спиной маячит Питер, и вид у него такой, что краше в гроб кладут. Сегодня он явился без своей обычной бейсболки на голове: лицо осунулось, темные круги залегли под глазами, мертвенная бледность покрывает щеки. Он как-то мгновенно постарел лет на двадцать.

– Вы сами, Нелл, ничего не помните. Само собой! – продолжает доктор. Он замолкает, видно, ищет подходящие слова. Но потом снова начинает говорить, стараясь придать своему голосу максимально нейтральные интонации, которые обычно используют в своих разговорах с пациентами все врачи. – Дело в том, что вы были беременны. И для нас важно, чтобы вы об этом знали.

Мои ресницы стремительно взлетают вверх.

– К сожалению, с учетом всех тех травм, которые вы получили при падении самолета, мы не имели права сохранять вашу беременность и далее. – Доктор Мэчт снова погружается в молчание. – Собственно, у вас почти сразу же после поступления к нам случился выкидыш. Мы не сообщили вам об этом сразу же после того, как вы вышли из комы. Ожидали, когда вы немного окрепнете и придете в себя.

Я вижу, как начинает всхлипывать Питер, стоя за спиной у врача. Пожалуй, я бы тоже была рада заплакать, но не могу. А мне хотелось бы почувствовать горечь утраты так же остро, как это переживает сейчас мой муж. Нечто похожее на всплеск эмоций – комок подступает к горлу, но я легко справляюсь с ним: просто глотаю.

– Какой у меня был срок?

– К счастью, сравнительно небольшой. Порядка восьми недель или около того. Мы обязательно свяжемся с вашей страховой компанией. А они будут обязаны сделать запрос в гинекологическую клинику, в которой вы состоите на учете. Может быть, там прояснят некоторые детали. – Он бросает взгляд на Питера. – В любом случае вы двое как супруги тоже можете прояснить это для самих себя, если поговорите наедине, без свидетелей.

С этими словами доктор Мэчт решительно направляется к дверям и уводит с собой и мою мать. Мы с Питером остаемся вдвоем. Свинцовая тишина, нарушаемая лишь его всхлипами. Муж отчаянно борется со своими расстроенными чувствами.

– Мне жаль! – говорю я нехотя. – Понимаю, как тебе сейчас тяжело. – Мы долго пытались завести ребенка?

– Нет! – тихо роняет он в ответ. – Твоя беременность стала настоящим сюрпризом.

Я молча киваю и гляжу в окно. Такая вот ситуация. Нынче все для меня – сюрприз.

– Прости, боюсь показаться грубой. Но мне как-то не по себе... я не могу обсуждать с тобой такие интимные подробности. – И тут же торопливо добавляю: – Нет-нет! Я ни капельки не сомневаюсь, что у нас была просто грандиозная сексуальная жизнь... но дело в том... я ничего не помню! Не помню, как мы с тобой жили, как занимались сексом, как пытались зачать ребенка... Полнейший провал в памяти.

На его лице появляется такая гримаса, которая бывает обычно у человека, выпившего вместо воды водку.

– Я потом тебе все расскажу, – обещает он, с трудом обретая прежнее самообладание. Я наблюдаю за тем, как муж собирается с силами, чтобы совсем не расклеиться здесь, в моей палате. Вот он склоняется надо мной и целует в лоб. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь вспомнить его запах. – Отдыхай пока! Набирайся сил. А когда будешь готова, возможно, завтра или послезавтра, мы обязательно обстоятельно поговорим с тобой обо всем этом. Я сяду и расскажу тебе про нас все. Вся нашу историю.

Забавно, думаю я. Нашу историю. Питер уходит, и я подключаю громкость телевизора. Да! Вот так в самый раз! Похоже, у каждого из нас есть своя история.

Глава третья

На седьмой день обе новости, и хорошая, и плохая, приходят одновременно. Плохая новость: Андерсона переводят в специальный центр реабилитации.

Он заходит попрощаться со мной. Я медленно сползаю с кровати, осторожно придерживая полы больничного халата. Мы неуклюже обнимаемся на прощание, насколько такое возможно с моими ушибленными ребрами и его торсом, прикованным к инвалидной коляске. Он улыбается своей неотразимой улыбкой настоящей кинозвезды. С такой улыбкой можно очаровать кого угодно: воздействие просто гипнотическое. Я уже успела прочитать в журнале «Пипл» статью, посвященную ему, а также посмотрела кое-какие клипы с его участием по каналу «Добро пожаловать в Голливуд». И сейчас мне достоверно известно, что за последние несколько лет Андерсон уложил к себе в постель такое количество женщин, что упомянуть их всех не представляется возможным. К тому же он не раз и не два был замечен во всяких пьяных выходках, особенно во время съемок. Я уже знаю, что он чертовски талантлив, хотя может погубить и себя, и свое артистическое будущее. Как говорится, злейший враг человека – это он сам. А потому если вовремя не остановится и не возьмется за ум, то на корню зарубит свою кинокарьеру, которая обещает в недалекой перспективе самый настоящий взлет. Словом, я почти что в курсе всех дел Андерсона. К тому же я ему полностью доверяю. А еще волнуюсь и переживаю за него. И эта его неотразимая улыбка! Просто самая настоящая улыбка человека-полубога. Она настолько обезоруживает, что мне хочется немедленно запрыгнуть к нему в инвалидное кресло, прижаться к его груди и отправиться вместе с ним в этот самый реабилитационный центр. Впрочем, подозреваю, что я далеко не единственная женщина, которая с удовольствием запрыгнула бы сейчас к нему в кресло.

И потом, есть же еще и Питер. Я ведь замужем. Была же у меня какая-то семейная жизнь до того, как я лишилась памяти. Чувствую, как краснею при мысли о своих идиотских фантазиях. Надо же! Вообразила себе, каково это было бы – жить вместе с Андерсоном. Что за бред! Что за детские мечты! Что за глупости! Вот Саманта взгрустнула о том времени, когда нам было по двадцать. А я совсем не хочу возвращаться в то время. Мне хочется другого: просто помечтать о чем-то таком несбыточном и даже поверить в то, что это возможно.

– Дайте еще один шанс каждому, Нелл! – загадочно роняет Андерсон. По его лицу, впрочем, не видно, чтобы он сгорал от желания сию же минуту загрузить меня к себе в коляску и увезти прочь. Хотя и особого отторжения тоже не чувствуется. Я вижу, что он уже почти обрел свою былую самоуверенность. – Будем продвигаться вперед медленно и постепенно, день за днем. Это – единственный способ побороть все наши трудности.

– Практикуете психологическую терапию, не так ли? – очнулась я от своих мыслей, возвращаясь в день сегодняшний. – Больничный психотерапевт, который навещает меня каждый день, твердит то же самое.

– Представьте себе, занимаюсь этим уже много лет! – рассмеялся Андерсон. – Точнее, пользуюсь услугами психотерапевтов. Иногда даже перебарщиваю по части этих услуг. А начал с шестнадцати лет. Родители заставили, когда узнали, что я каждый день после школы стал прикладываться к спиртному.

– И почему вас потянуло к выпивке? Что заставило? – Я всячески оттягиваю момент его ухода.

– Да ничего такого! Абсолютно ничего, если толком разобраться. У меня было прекрасное детство, очень хорошие родители. Папа – зубной врач. Понятия не имею, что меня толкнуло. Но что-то же толкнуло! – Андерсон замолчал. – Зато сегодня мне нужен психотерапевт совсем по другим причинам. Кошмары донимают постоянно, почти каждую ночь.

– Получается, что мне даже повезло, что я ничего не помню.

– Ну да! Для вас – это такая своеобразная уловка-22[1 - Аллюзия на одноименный роман американского писателя Джозефа Хеллера.]. А у меня самого тоже безвыходная ситуация во всех отношениях.

Никто из нас двоих не знает толком, как следует прощаться с посторонним, в сущности, человеком, с которым ты по воле судьбы свалился с небес на землю. Андерсон вручает мне свежий номер глянцевого журнала «Пипл»: наши фотографии уже больше не красуются на обложке. Скромная информация размещена в уголке на первой полосе. Потом он обещает, что обязательно позвонит, как только обустроится на новом месте. Или, на худой конец, напишет по электронной почте.

Я погружаюсь в изучение страниц, посвященных жизнеописаниям звезд. И в этот момент в палату заходят Рори и доктор Мэчт. На нем голубые хирургические штаны и белая куртка. Лица у обоих радостные, ибо они приносят хорошую новость.

– Скоро мама подъедет! – прямо с порога сообщает Рори, опережая мой возможный вопрос. Я улыбаюсь при виде сестры. Она всю минувшую неделю хлопотала вокруг меня, как никто. И это притом что у нее же и своих дел полно. А она бросила все: дом, работу, галерею, и всецело отдалась уходу за мной. Скорее всего, я, прежняя Нелл, не очень бы суетилась вокруг тех, кто нуждается в уходе. Характер не тот. А вот Рори справляется со своими обязанностями сиделки просто блестяще.

– У нас для вас хорошая новость! – откашливается доктор Мэчт. – Мы получили результаты всех обследований, полные расшифровки МРТ, компьютерной аксиальной томографии, внимательно изучили показания, потом направили результаты лучшим специалистам Калифорнийского университета для более углубленного исследования. И вот их вердикт: никаких фатальных травм у вас нет.

– Тогда почему я ничего не помню?

– Ну, причин может быть великое множество! – Доктор Мэчт снова откашливается. – Например, какие-то психосоматические изменения в коре головного мозга... Как следствие перенесенного стресса.

– То есть вы полагаете, что мой организм пошел на такой шаг осознанно? – Я зябко передернула плечами. Намеренная амнезия! Вот уж никогда бы не подумала, что такое возможно! А ведь сколько бессонных часов проведено в этой палате в поисках ответа на главный вопрос: почему же я потеряла память?

– Нет-нет! Ничего преднамеренного в таком явлении нет! – поспешил возразить мне врач. – Никто не говорит об осознанной реакции организма. Но иногда, особенно когда люди переживают тяжеленное травматическое событие, их мозг самостоятельно срабатывает в таких ситуациях и отключается сам, автоматически. Такая форма посттравматической амнезии. Ее называют диссоциативной. Мозг реагирует на пережитый стресс тем, что попросту блокирует все, что было с ним связано. Тем не менее при диссоциативной

амнезии человек не теряет способности жить обычной, нормальной жизнью. Он даже хорошо помнит некоторые вещи из того, с чем ему приходилось сталкиваться ранее. Например, помнит всякие исторические даты, может процитировать фрагменты из текста Декларации о независимости или, – доктор Мэчт кивает в сторону телевизора, – хорошо знает, как пользоваться дистанционным пультом управления для того, чтобы включить телевизор. И многое другое помнится тоже. Например, что нужно смывать в туалете после того, как вы туда сходили. К сожалению, пока вы ничего не можете вспомнить о вашей прежней жизни в целом.

Врач замолкает, дает время усвоить то, что он только что мне сообщил. Вполне возможно, он предполагает, что моя реакция на его слова может быть разной. А вдруг я начну протестовать? Кричать? «Нет! Все это глупости! Вы что, хотите изменить ненормальную сделать? Дескать, у нее крыша поехала?» Но я молчу. В конце концов, а кто знает? Может, и поехала! Может, я уже действительно не того... Стоит мне только взглянуть на тот свой портрет на обложке глянцевого журнала, того самого, первого, который принес мне Андерсон, чтобы понять: я абсолютно не представляю себе, что я за человек, и вся моя прежняя жизнь превратилась в сплошную черную дыру.

Видя, что я никак не реагирую на его слова, доктор Мэчт возобновляет свой монолог:

– Но мы пока копаемся в сугубо теоретических проблемах. Амнезия, причем в любой ее форме, – явление крайне редкое. Я даже склонен думать, что в вашем случае какую-то черепную травму вы все же получили. Но со временем, при благоприятном развитии событий и надлежащем лечении, память обязательно к вам вернется. Хотя бы в виде отдельных фрагментов и частей прожитой жизни.

– Итак, у меня на выбор два варианта, – подытоживаю я услышанное. – Либо серьезная черепно-мозговая травма, либо мой мозг сознательно отключился после пережитого стресса.

– И как долго может продлиться такое состояние? – подает свой голос Рори.

И доктор Мэчт сразу же хватается за ее вопрос как менее сложный и рискованный.

– Этого никто не знает. Память может вернуться к ней завтра. Но, может, уйдут и долгие месяцы на то, чтобы память восстановилась в полном объеме. Завтра вас осмотрит ваш лечащий психотерапевт. – Доктор Мэчт обращается уже ко мне. – Он объяснит вам, расскажет, что надо делать для того, чтобы ускорить этот процесс. Считайте, что ваш мозг – это такой же мускул, как и все остальные мускулы вашего тела. А мускулы надо постоянно нагружать, чтобы они оставались в тонусе.

Загорается сигнальная лампочка на табло, уведомляя доктора Мэчта о том, что его уже ждут в сестринской. Он откланивается и исчезает за дверью, пообещав на прощание заглянуть еще раз, но уже ближе к вечеру, прежде чем отправиться в операционную.

– Бессмыслица какая-то! – возмущаюсь я, оставшись наедине с Рори, и начинаю здоровой рукой растирать затылок у основания шеи. – Так, будто кто-то решил сыграть со мной самую зловещую шутку из всех, которые только можно себе представить.

Я роняю руку на кровать, потом переворачиваю кисть ладонью вверх и начинаю внимательно разглядывать едва заметный шрам, который я обнаружила сегодня утром. Он тянется через всю ладонь, начиная от линии жизни и до самого запястья.

– Взгляни! – говорю я сестре и протягиваю ей свою ладонь. – Откуда у меня это?

– О, это тебе привет из детства! Поранилась о разбитую тарелку! – коротко отвечает Рори, не вдаваясь в подробности, и усаживается в кресло, стоящее рядом с кроватью. После чего принимается энергично перетряхивать содержимое своей сумочки, извлекает из нее небольшую коробочку с крохотными пончиками и две бутылки с фруктовым напитком. Она берет их обе сразу, и они слегка позвякивают, ударяясь друг о друга. Знакомый перезвон, который издают бутылки с охлажденным чаем, если начать ими чокаться. – Понимаю! Это вредно! И это вопреки всем медицинским рекомендациям. Но именно так мы с тобой всегда отмечали наши маленькие победы: подписание удачного контракта с художником, что-то еще... Ну а уж в тот день, когда я наконец уломала тебя и ты дала согласие на то, чтобы открыть галерею, мы с тобой вдвоем так наклюкались... Как никогда до и после! – Рори умолкает на мгновение, а потом добавляет со счастливой улыбкой на лице: – Мама всегда баловала нас свежими пончиками, когда мы были детьми. Увы-увы! Сегодня

придется довольствоваться общепитом.

– А что мы празднуем? – спрашиваю я у сестры. – Обещание доктора Мэчта, что, быть может, когда-нибудь, лет эдак через десять, а скорее – никогда! – я вспомню, кто я есть на самом деле?

– Ничего мы не празднуем! – Рори откручивает крышку на одной из бутылок. – Просто я подумала, что тебе будет приятно. В конце концов, что еще может для тебя сделать твоя младшая сестра? Знаешь, мы все... мы все в некоторой растерянности... Чувствуем себя беспомощными, что ли. Не знаем, с какой стороны к тебе подступиться.

Сестра вручает мне пончик с фруктовой начинкой. Но стоило мне лишь слегка откусить его, и повидло тут же вываливается на мой халат.

– Ну и видок у тебя! – весело хихикает Рори. – Будто в крови перемазалась!

– И что тут смешного?

– Ты права! Ничего!

Тем не менее я тоже издаю сдавленный смешок и облизываю губы, испачканные повидлом.

– Тебе обязательно слушать этого парня? – сестра кивает в сторону телевизора. На экране маячит фигура Джейми Рэардона. – Всякий раз, когда я навещаю тебя, ты смотришь его репортажи. Тебе не кажется, что он немного мрачноват, а?

– А мне он нравится! – неопределенно пожимаю я плечами.

– А чему тут нравится? Говорящая голова, да и только. Такая маленькая пиранья, которая снует вокруг в поисках жареных новостей.

– Нет, он не такой! – не соглашаюсь я с сестрой, будто у меня есть опыт по части умения отличить хорошего репортера от бульварного папарацци. Зато такой опыт наверняка есть у Андерсона. А Джейми ему тоже понравился. Что-то в этом парне действительно есть такое, что невольно располагает к себе. – Не знаю, но

мне кажется... этот человек... С ним легко разговаривать, я думаю.

– Самое смешное, что он только что остановил меня на входе в госпиталь. Там было полно репортеров, но подошел ко мне именно он. Поинтересовался, готова ли ты дать интервью. А я ответила, что он самый настоящий кровопийца. Зарабатывает себе на жизнь, эксплуатируя чужие трагедии. Так нельзя! – Сестра красиво скрестила свои невообразимо длинные ноги, наверняка дюймов на шесть длиннее моих. – Словом, я сказала ему, чтобы он даже не мечтал о том, чтобы заполучить у тебя интервью. Тем более что тебе всегда претила любая публичность. Не в твоём характере выставлять себя напоказ.

– Ничего не помню о своём характере! И кто сегодня может рассказать мне, какой я была на самом деле?

– Я могу! Мы ведь прожили вместе двадцать семь лет! И ты ни разу за все эти годы не воспользовалась ни одним шансом, чтобы где-нибудь засветиться. И уж тем более не занималась поиском таких шансов. Я ведь фактически умоляла тебя, просила почти на коленях помочь мне с организацией галереи. Придумать что-нибудь новенькое, найти свежее решение, которое бы не повторяло избитые концепции и тренды. И тогда ты согласилась рассмотреть организацию выставки работ Хоуп Кингсли. Это та художница, на встречу с которой ты и направлялась в Сан-Франциско. То, что ты согласилась на эту встречу и на саму выставку, стало для меня самым настоящим чудом. Честное слово! Ведь поначалу ты воспринимала её творчество как нечто второсортное, недостойное серьезного внимания. Сентиментальный вздор, не более того. А уж всем известно, сколь негативно твоё отношение ко всякой сентиментальщине во всех её проявлениях и тем, кто творит такой, с твоей точки зрения, вздор.

– Сентиментальщине?

– Ну да! Ты таких художников называешь не иначе как халтурщиками, посредственностями, не способными никого удивить. Глядя со стороны, можно было подумать, что единственное, что тебя волнует, так это возвращение юных гениев, пестование молодых талантов, но на самом деле тебя интересовало не только это.

Увы! Все эти разглагольствования сестры оставались для меня пустым звуком, и только!

– С чего ты это взяла, что я такая?

– С того, что ты чертовски талантлива. Ты даже сама не подозреваешь о том, насколько ты талантлива. Быть может, ты даже талантливее отца. Хотя, конечно, твой талант – он совсем другой! Ах, как же я завидовала тебе в детстве!

– А в чем он, мой талант? Я тоже рисую? – спрашиваю я удивленным тоном.

– Музыка! – коротко отвечает мне сестра, словно предлагая додумать все остальное уже самостоятельно.

Я мысленно прожевываю ее краткую реплику, а потом вдруг ни с того ни с сего брякаю наобум. Ясное дело, когда в голове нет никаких тормозов.

– Ты знала, что я была беременна?

– О боже! – восклицает Рори.

Я вижу, как у нее задрожала нижняя губа.

– Только, пожалуйста, не надо слез! Я ведь все равно ничего не помню! Собственно, в моем нынешнем состоянии это меня мало волнует. Я спросила лишь потому, что просто хотела удостовериться, что ты в курсе.

Сестра энергично встряхивает головой, стараясь, привести себя в норму.

– Нет, я ничего не знала! Правда! – Она умолкает, явно потрясенная услышанной новостью. – А как воспринял известие Питер?

– Мы еще толком и не говорили с ним на эту тему. Как-то мне неловко заводить такой разговор с женщиной, который вроде бы и приходится мне мужем, но я его совершенно не помню.

– И что такого? Ты и сестру свою не помнишь.

– Верно! – соглашаюсь я. – Но он тут целыми днями торчит. Вроде и не надоедает, сидит себе, скрючившись в уголке. Хотя у меня почему-то при виде него всегда возникает некое странное чувство. Вот, думаю я, сидит мужчина. Он видел меня голой, видел выражение моего лица, когда я испытывала оргазм. Ну и другая ерунда в том же духе лезет в мою голову. Да, тебя я тоже, несмотря на все свои титанические усилия, не могу вспомнить. Но все равно с тобой у меня как-то по-другому. Где-то подспудно я все равно чувствую, что мы с тобой – родня. Понимаешь? – Я издаю короткий смешок. – И все же напрасно я завела речь о том, какое у меня лицо во время оргазма, даже в разговоре с сестрой!

– Пока все мы переживаем не самый простой период в жизни, – подытоживает сестра коротко, закрывая тему об оргазме. – Ничего! Со временем все наладится...

– Дай-то бог! – вздыхаю я. – Может, я зря себя накручиваю и напрасно цепляюсь к этому человеку. Ни в чем он передо мной не виноват.

Рори торопливо вытирает руки прямо о джинсы и поднимается с кресла.

– Ой, совсем забыла! – Она снова берется за сумочку и достает оттуда стопку DVD-записей. – Вот! Это все твои любимые! Здесь и песни, телевизионные шоу и развлекательные программы... Словом, все, что нам нравилось в детстве. Вдруг они помогут тебе вспомнить хоть что-то. – Она снова ныряет в сумочку и извлекает оттуда одними пальцами что-то еще. – А это – айпод! С функцией музыкального проигрывателя. Я записала в его память все группы, которые тебе когда-то нравились. И те, от которых ты была буквально без ума. Заставила Хью перевернуть вверх дном твою кладовку в поисках коробки, в которой ты хранила старые магнитофонные записи.

– Хью?!

– Ну да! Это же мой парень! Я тебе о нем рассказывала.

Чувствую минутный приступ раздражения из-за того, что эта столь важная для моей сестры подробность ее личной жизни уже успела начисто выветриться из моей головы. Впрочем, о чем это я? Из моей головы выветрилось все, что только можно!

– Да! Да! Прости! – спешу успокоить я сестру. – Просто отвлеклась на минуту, задумалась о своем.

– Ну так вот! Я попросила его съездить на твою квартиру и забрать эту коробку с записями. И он все исполнил в точности! Словом, я загнала в айпод все лучшее и самое любимое от Нелл Слэттери. Представляешь? Все-все-все! Сотни песен, начиная с твоей свадебной песни...

– Моей свадебной песни?! А что это была за песня?

– Джо Кокер! Его хит «Поверь в меня хотя бы чуть-чуть».

Ни имя исполнителя, ни название песни ни о чем мне не говорят, но я вежливо молчу.

– И кого там только нет, в этих записях! – торопится поделиться со мной Рори. – The Beatles и еще одна британская рок-группа – The Smiths. Вот послушай! Сразу же их узнаешь! – Она вставляет мне наушники и нажимает на кнопку «Воспроизведение записи». Страшный скрежет в ушах. Такое ощущение, будто я сижу в машине на станции обслуживания, а ее со всех сторон скребут и моют. Но музыка... Это же величайший бальзам... самое лучшее обезболивающее из всех! И уже буквально через несколько секунд я чувствую, как на меня нисходит умиротворение. Ура! Я почти излечилась! Вопрос лишь в том, а хочу ли я сама излечиться так быстро.

– Спасибо тебе! – прочувствованно благодарю я Рори, на секунду извлекая наушники из ушей. – Ты самая лучшая сестра в мире! – Меня накрывает волна признательности. Но не переборщила ли я по части комплиментов? Самая лучшая...

– Иногда я тоже бываю хорошей, – невесело улыбается мне в ответ Рори. – Но чаще – нет.

* * *

Первый сезон сериала «Друзья» показался мне очень смешным. У меня даже возникло подозрение, что я вспомнила его. Во всяком случае, я веселилась во

время просмотра так, будто действительно вспомнила. Но теоретически я смотрела сериал впервые. Тем более что Рори привезла мне лицензионный диск, выпущенный одновременно с выходом сериала в прокат. На остальных дисках тоже была целая куча всяких сериалов с совершенно неизвестными мне названиями: «Вечеринка на пятерых», «Милашка в розовом» и прочее. Для начала я выбрала сериал «Друзья», то есть фильм с самым нейтральным названием. Еще насмотрюсь всяких ужастиков, решила я, а потом буду донимать медсестру, требуя успокоительных на ночь, чтобы заснуть.

Сюжет «Друзей» весьма незамысловат. Шестеро друзей постоянно встречаются на своем условленном месте в Центральном парке. Судя по антуражу, все они ведут в Нью-Йорке роскошную и абсолютно беззаботную жизнь. Словом, сплошной гламур. Где-то на заднем плане маячит работа, какие-то проблемы в личной жизни, но все это никак не отражается ни на ком из них. Один из героев по имени Росс узнает, что его бывшая жена Рейчел, лесбиянка по своим наклонностям, родила дочь. Желание вспыхивает в нем с такой силой, что он готов следовать за бывшей женой, словно послушная собака-ищейка. Вот такие незамысловатые коллизии на фоне шикарных апартаментов, роскошных интерьеров, стильных нарядов, которые сидят на героях, словно влитые. Красотища, да и только! Поневоле начнешь тосковать о той прошлой своей жизни, даже если ты и не помнишь о том, какой она была на самом деле. Но вполне возможно, она была такой же яркой и гламурной, как и та жизнь, которая показана в «Друзьях». И мы с Самантой тоже баловались чашечкой кофе, сидя в дорогих кофейнях с бархатными креслами. Или все вместе – я, Питер, Рори и ее приятель Хью – шлялись по всяким значным местам, острили, весело смеялись, подшучивали друг над другом. Словом, веселились на полную катушку, на зависть всем остальным присутствующим. Я почти воочию вижу, как это все было. Или могло быть, коль скоро я ничего не помню. Да! Могло быть! И хорошо бы снова окунуться в это беззаботное прошлое...

Давай же! Вспоминай! Вспоминай, черт тебя дери!

Я нажимаю на клавишу «Пауза» и на некоторое время приостанавливаю просмотр сериала. Потом тянусь за фотографиями, веером разложенным на прикроватной тумбочке. Их тоже принесла мне Рори. На одной из них запечатлены мы с ней вдвоем: я совсем почти взрослая, и она тоже уже в подростковом возрасте. Тут же стоит дата: 1994 год. Несмотря на то что мне шестнадцать, а Рори только одиннадцать, она уже вымахала ростом выше меня. На мне какой-то ужасный прикид, летнее платье для прогулок, на Рори

сиреневый сарафанчик с оборками спереди, которые, впрочем, не могут скрыть начинающую формироваться грудь. Даже в свои одиннадцать она уже самая настоящая красавица: от девочки просто невозможно оторвать глаз. Да, всю красоту, отпущенную на нас двоих, Рори забрала себе. Это точно! Наверняка везде и всегда, где мы появлялись вместе, взгляды всех окружающих были обращены на нее, и только на нее одну. На мне какое-то чудное – повторяюсь еще раз! – платье в красно-белую клетку. Юбка с тремя пышными ярусами, верх с явно заниженным корсажем, отчего мои груди болтаются в разные стороны. Моя улыбка сохранила и момент фотовспышки, это благодаря металлическим брекетам на верхних и нижних зубах. Прическа на голове тоже еще та! Она совсем не красит мое лицо сердцевидной формы. К тому же в парикмахерской явно перестарались и с перманентом, и с обесцвечиванием волос. Одним словом, красotka! На запястье ленточка с небольшим букетиком. В самом углу фотографии виднеется плечо какого-то парнишки в смокинге, наверняка это мой кавалер.

Я принимаюсь пристально разглядывать фотографию. А улыбка у меня получилась какой-то жалкой, похожей скорее на гримасу, искренне огорчаюсь я. Смотрю на себя шестнадцатилетнюю и пытаюсь представить, какой же я была в шестнадцать лет. И что это был за мальчишка, с которым я тогда встречалась. И что мы с ним делали? Развлекались в многоместном фургоне его мамы, перебрав со спиртным на какой-нибудь вечеринке, откуда улизнули, не дожидаясь ее окончания? Нет! Конечно же, нет! Ведь все они, начиная от Саманты и кончая Рори, твердят мне в один голос, что я была девочка-крепость. Наглухо застегнута на все пуговицы.

Но почему бы не вообразить себе и нечто прямо противоположное? Вот я гашу свет в салоне машины, расстегиваю лифчик и позволяю ему гладить мою грудь. И так мы ласкаем друг друга, подкрепляясь время от времени очередным глотком спиртного. А потом мы еще и отправляемся плавать голышом. Домой я возвращаюсь далеко за полночь, предусмотрительно пробравшись к себе в спальню через окно, чтобы мама ничего не заметила.

Я чувствую, как у меня начинает дергаться щека, как щиплет в носу, как больно сдавило грудь. Кажется, впервые я в полной мере осознаю, как же это ужасно на самом деле – потерять собственную память. Неужели я обречена ничего не вспомнить до конца дней своих? Неужели мой удел – это безучастное существование того, что от меня осталось? Я – как будто овощ, как трава... Не тело, а лишь пустая оболочка, такой скелет, на котором нет живой плоти и

нечем заполнить зияющие дыры и провалы в собственном мозгу. Я чувствую, как слезы градом катятся по моим щекам, я смахиваю их рукой, но тщетно! Они продолжают литься с утроенной силой. А ты подумай о тех ста пятидесяти двух несчастных, уговариваю я себя, которым судьба отказала даже в таком сомнительном спасении. Господи боже мой! Вспомни других! Как же тебе не стыдно роптать! Ведь ты же осталась жива. Ты можешь дышать, смотреть, и у тебя даже есть какой-то мизерный шанс вспомнить все. Но мой мозг просто не в состоянии оценить всю чудовищность моих потерь. А потому и слезами моему горю не помочь. Но ведь еще есть время... У меня в запасе еще полно времени! Может быть, когда-нибудь... со временем я вспомню. А что, если взять и позвонить Андерсону? Возможно, вдвоем нам будет проще найти ответ на вопрос: Почему мы? Почему судьба выбрала именно нас? Слезы продолжают душить меня. Невыносимая боль! Она сейчас затмевает собой все остальное. Я хватаю айпод: слабая попытка успокоить себя. Так отвлекают детей, чтобы они не плакали. Начинают петь, включают музыку. Но в моем случае музыка мне не помощница. От нее мне становится только горше. Звуки пронзают меня со всех сторон, словно острые стрелы, и впиваются в мои кровоточащие раны.

Наверное, Алисия, медсестра, дежурящая на посту, услышала мои безутешные рыдания. Она торопливо входит в палату, осторожно вытирает щеки, прочищает мой нос.

- Что-нибудь еще, моя дорогая? - ласково спрашивает она меня.

- Ничего! - всхлипываю я. - Мне ничего не надо, и никто мне не поможет!

Сестра молча берет дистанционный пульт управления, отключает музыку и снова переключает телевизор на новостной канал, который я смотрела перед приходом Рори.

Потом она долго гладит мою спину, пока я не перестаю плакать. Я тупо смотрю перед собой, мало что соображая, но вдруг спохватываюсь:

- Позвоните, пожалуйста, моей сестре.

- Конечно! Сию минуту! - Медсестра хватается трубку и торопливо набирает номер Рори, а потом подсовывает телефон поближе ко мне.

– Рори! Это я! – выдыхаю я в трубку, услышав голос сестры на другом конце провода. – Послушай! А какой я была раньше?

– Что ты имеешь в виду? – растерянно спрашивает сестра, и голос у нее такой, какой бывает у человека, когда его растолкали посреди ночи. – Ну да! Ты была моей старшей сестрой. Мы с тобой вместе работали в художественной галерее. Я же тебе рассказывала об этом.

– Да, да! Все это я помню! Но сейчас я о другом. Какой я была? Что за человек? Например, с кем я гуляла в юности? Тот парень на фотографии...

– Ах, это! Хм! – На другом конце провода повисает короткая пауза. – Кажется, его звали Майкл Лумис. Да, припоминаю! Он еще занимался борьбой.

– То есть мы с ним встречались, да? Гуляли по вечерам? А может, и выпивали вместе... или ходили купаться голышом, или творили какие другие глупости...

Я слышу жизнерадостный смех сестры в трубке. И это несмотря на ее полусонное состояние.

– Ах, Нелл! Ради всех святых! О каких таких глупостях ты толкуешь? – Она снова замолчала. – Впрочем, я мало что помню и едва ли я тогда была в курсе, чем вы там занимались на своих свиданиях. Как-никак я тогда училась в младших классах. Но готова поспорить на что угодно, что никакими такими глупостями вы не занимались! И уж точно не обжимались по углам и не ныряли голышом в воду!

Я тяжело вздыхаю. Невероятно! Этого не может быть! Нет и еще раз нет! Я гуляла ночами напролет, каталась вместе со своим парнем в автомобиле с открытым верхом, и мы с ним творили под луной всяческие глупости.

– То есть ты хочешь сказать, что моя жизнь была совсем не такой, как показана в «Друзьях»? Наполненной событиями, бурлящей, интересной!

А сама я какая была? Унылая? С ужасными волосами и нелепой прической на голове? Додумываю я уже про себя.

– Ты имеешь в виду этот ситком? – снова заливается смехом Рори. – Ну начнем с того, что никто из нас не ведет такую жизнь, какой живут герои этого сериала. Поэтому-то мы все и смотрим его с таким удовольствием.

Я слышу, как хрустят простыни под ее телом, когда она переворачивается на другой бок.

– С твоих слов я понимаю, что я всегда была весьма рассудительной особой. Из тех зануд, которые любят все раскладывать по полочкам и могут заговорить кого угодно. Я права? То есть ничего общего с теми девчонками, которые всегда готовы к приключениям?

И в этот момент я почему-то вспоминаю Андерсона. Вот из кого энергия буквально брызжет! Бьет ключом... Стоит ему появиться, и он тут же заполняет собой все пространство. Потом я думаю о героинях сериала «Друзья», о Монике и о Рейчел. Пытаюсь представить себе, как все было у меня. Хочу заставить себя поверить в то, что так оно и было. Неужели я даже никогда не смеялась? Вечно сидела с насупленным видом? А я хочу вспомнить, как я смеялась! Более того! Я хочу, чтобы именно через смех ко мне вернулась вся моя прежняя жизнь, будь она трижды неладна!

– Ну не зануда, конечно. Но девочкой ты была серьезной. Хотя это нам всем в тебе и нравилось. Ты была серьезной и надежной. Из тех, на кого всегда и во всем можно положиться. С твоим мнением считались, его ценили. Кстати, именно из-за своей серьезности ты и отправилась изучать право.

– Право?!

– А ты не помнишь?!

– Рори! Умоляю! – Я снова подавляю тяжелый вздох. – Сколько раз тебе повторять! Если я что-то спрашиваю, значит, я этого не помню! Понятно?

– Хорошо-хорошо! Только не сердись, пожалуйста!

Какое-то время мы обе молчим. Напряжение буквально витает в воздухе. Но вот я успокаиваюсь и снова начинаю говорить:

- Получается, что я была юристом.

Но что-то здесь не стыкуется. Я нутром это чую.

- Нет! Ты проработала по специальности всего лишь года полтора, не более. А потом мама подыскала тебе работу у одной из своих приятельниц. Она была исполнительным директором сериала «Живем всего лишь раз!».

- Мыльная опера? - спрашиваю я, чтобы удостовериться, что я права. Я уже успела посмотреть ее за долгие часы вынужденного бездействия здесь, в палате.

- Ну да! Мыльная опера! - раздраженный вздох на другом конце провода. Оказывается, ты еще можешь довести собеседника до белого каления.

Рори снова вздыхает и добавляет:

- Ты отлично справилась со своей работой. Это все, что я могу сказать по этому поводу. Вскоре ты там возглавила офис. На твои плечи взвалили всю бумажную работу, плюс контракты, плюс работа с персоналом. Словом, все-все-все! И все это у тебя получалось отлично. Знаю это не со слов других. Сама могу судить о том, как ты работала в галерее. Наверное, потому-то, что ты уже поднаторела в управленческих вопросах, ты и согласилась в конце концов перейти на работу в галерею. А еще потому, что папа всегда твердил, что у тебя острый глаз и из тебя может получиться что-то очень значительное.

- Такое же значительное, как он? - Я приподнялась повыше и глянула в окно. Может, вот он, мой пароль! Ключ к разгадке собственного прошлого! Да-да! Из меня точно могло получиться что-то значительное!

- Да! - подтверждает мои мысли сестра. - В тебе есть все задатки, чтобы стать такой же великой, как наш отец. Хотя пока тебе, конечно, еще далеко до него. - От этих слов я снова втягиваю голову в подушку. Ах так? - Не хочу тебя обижать! Пойми меня правильно! - тараторит сестра на другом конце провода. - Просто наш папа - он никогда не был вполне доволен собой. Понимаешь? И от тебя он тоже ждал чего-то такого особенного, что ли. Музыка была твоей стихией. Всегда! Не понимаю, почему он не позволил тебе сосредоточиться именно на музыке.

Рори умолкает на полуслове. По всей вероятности, решила, что сболтнула лишнее.

Какое-то время я бездумно пялюсь в потолок. И вдруг неожиданно для себя самой даю клятву: в этой жизни, в этой новой своей жизни я обязательно стану великой. Или хотя бы значительной. Я просто обязана это сделать! Хотя бы уже потому, что осталась в живых. А сто пятьдесят два других пассажира нашего злополучного рейса – нет. Вот он, мой шанс! Моя кнопка, с помощью которой я снова отмотаю свою жизнь назад. Моя кнопка быстрой перемотки! Да, я все должна делать быстро! Еще быстрее... Это единственная возможность переломить ситуацию и начать все сначала.

– Меня не устраивает статус человека, который мог, но так и не стал кем-то!

– Понимаю! – роняет в трубку Рори. Готова побиться об заклад, что сейчас она наверняка чертыхнулась себе под нос. – Но пока дела твои обстоят именно так.

– Расскажи мне что-нибудь смешное.

– Ты меня совсем не помнишь?

– Это не смешно. Я хочу чего-нибудь экстраординарного, такого... чтобы дух захватывало! И хочу веселья!

– Ну, положим, экстраординарного в твоей жизни случилось за последнее время более чем достаточно!

Я бросаю взгляд на работающий телевизор. А вот и он, мой старый добрый знакомец!

– Окажи мне любезность!

– Без разговоров, – тотчас же соглашается сестра.

– Завтра, когда пойдешь ко мне, подойди к Джейми Рэрдону и скажи ему, что я готова с ним встретиться. Я расскажу ему свою историю. Да! Я сделаю это!

– Не думаю, что это своевременная затея. Ты еще слишком слаба. Ты просто не готова к такому интервью.

– Ах Рори, Рори! А к чему я вообще сейчас готова?

Глава четвертая

В жизни Джейми Рэардон оказался точно таким же, как и на экране. Идеально уложенные с помощью геля светлые волосы, бездонно-голубые глаза, похожие по цвету на яйца малиновки. Правда, в отличие от экранного образа, на его носу были рассыпаны веснушки, их телевизионная камера не улавливает. Высокий, худощавый, можно даже сказать, щуплый. Но блейзер, в котором он ведет свои репортажи перед камерой, несколько скрадывает эту почти юношескую худобу. А потому, когда Джейми предстал перед моим взором уже непосредственно в больничной палате, то в самую первую минуту он показался мне не взрослым мужчиной, а скорее таким несколько перезрелым мальчиком. Причем не просто мальчиком, а мальчиком, который вырос на ферме, затерянной на бескрайних просторах Айовы.

Итак, спустя два дня после того, как я дала себе слово обязательно добиться чего-то стоящего в своей новой жизни, коль скоро судьба подарила мне такой уникальный шанс на спасение, я почти в приказной форме потребовала от Рори, чтобы она привела ко мне Джейми, чтобы я смогла дать ему интервью. И вот он стоит перед мной, собственной персоной, так сказать. Его сопровождает доктор Мэчт. Он явно недоволен происходящим, говорит, что у него для меня есть гораздо более интересные предложения, чем то, что родилось в моем мозгу. Напоминает, что мне нельзя переутомляться, а интервью наверняка потребует много сил, но я лишь нетерпеливо отмахиваюсь от него. Ничегошеньки он не понимает! Не понимает, что судьба подарила мне шанс сделать в своей жизни что-то по-настоящему значительное. И вот он, мой первый шаг по пути к этой главной цели. Один шанс, судя по всему, я уже бездарно упустила. И вот появился второй. Так кто бы отказался от такой возможности, окажись он на моем месте? Плюхнуться с небес на землю так, что отшибло всю память, а потом с удивлением обнаружить, что, оказывается, в той прежней жизни на самом деле было мало чего стоящего. А проще говоря, то вовсе была и не жизнь, а так, какое-то унылое прозябание. И вот надо начинать все с чистого листа.

Возможно, кое-кто струсил бы. Но только не я! Я имею в виду себя нынешнюю, родившуюся заново Нелл.

Перед с встречей с Джейми я подверглась получасовой психологической обработке со стороны Рори. Она была явно на взводе, явилась ко мне в сопровождении матери. Та послушно маячила у нее за спиной и лепетала нечто маловразумительное о том, что личная жизнь человека есть дело приватное и нельзя все свои проблемы выставлять напоказ. Неужели я не понимаю всей опрометчивости такого шага? Но я уже все для себя решила. И точка! В конце концов, кому интересно, что за тайны нароет Джейми Рэардон в своем интервью? – заявила я несговорчивым тоном своей матери и сестре. Какое значение имеет вся моя прошлая личная жизнь для широкой публики? Разве в ней есть нечто постыдное, что-то такое, что следует скрывать? Или бежать прочь от паблисити? Напротив! Наступил момент, когда мне надо не бегать от людей, как, судя по всему, я это делала раньше, а идти им навстречу! Вот я и делаю первый шаг на этом пока еще новом для себя пути. Я ткнула пальцем в свой портрет на обложке глянцевого журнала. Да стоит только взглянуть на эту унылую особу, чтобы понять, что от нее надо бежать и бежать, чтобы убежать как можно дальше! Словом, я была непреклонна. Они обе даже заикаться стали от неожиданности. Мама лишь пробормотала заплетающимся языком, что я, должно быть, совсем с ума спятила, между тем как в той прошлой жизни я была почти что само совершенство, и мне вовсе не надо убегать от самой себя. Впрочем, мы с мамой прекрасно понимали, что никакая это не правда и что мама изрядно лукавит. Но тут, к счастью, в палате возникла медсестра Алисия. Она пришла измерить мое давление и положила конец нашей перепалке.

Джейми извлек свой диктофон только тогда, когда мы с ним остались в палате одни. Он устроился на краешке кровати, словно старый добрый знакомый, хрустнул костяшками пальцев, давая понять, что готов к работе, и только тут до меня дошло, что мне и сказать-то ему особенно нечего. Я даже растерялась в первое мгновение. Надо же! Вот дуреха! Даже не подготовилась к интервью, не собралась с мыслями... Наверняка прежняя Нелл категорически не одобрила бы такой расхлябанности.

– Если честно, то я даже не задумывалась над тем, с чего начать наш разговор. Вы ведь наверняка в курсе того, что я ничего не помню из моей прошлой жизни, а потому едва ли вы сумеете извлечь что-то интересное из нашей беседы.

– Не переживайте! – ободрил он меня. – Давайте просто поболтаем для начала. Вот видите! Я даже не стану включать запись.

– О'кей! – согласилась я, мысленно заставляя себя расслабиться. – Итак, начнем с того, что я точно помню и знаю на данный момент. Я в курсе всех сюжетных перипетий сериала «Друзья», первый сезон. Я смотрю все репортажи Джейми Рэардона по кабельному телевидению. А в остальное время, то есть остальные шестнадцать часов в сутки, я просто сплю. Нет, еще вот это! – Я ткнула пальцем на айпод, лежавший у меня на коленях. – Здесь записаны все музыкальные хиты последних двух десятилетий. Вот вам три темы для нашей беседы. Об этом я могу поговорить.

– Из ваших слов я понимаю, что если вы и дальше продолжите поглощать массовую культуру такими темпами, то очень скоро либо станете самым настоящим экспертом в этой области, либо просто умрете от скуки!

– Точно! В самое яблочко! – рассмеялась я в ответ.

– Иными словами, вы пригласили меня для интервью исключительно потому, что вам нечем больше заняться, да?

А парень умница! Это видно невооруженным глазом. Пусть он и всего лишь репортер местной телестудии. Что из того? Он прост в обращении, располагает к себе, вызывает доверие. С первых же минут общения с ним возникает чувство, будто вы давно друг друга знаете и даже дружны.

– Не совсем так! – не соглашаюсь я с ним и снова принимаюсь обдумывать причины, побудившие меня согласиться на интервью. – Не знаю, поймете ли вы меня правильно... Вполне возможно, мои слова покажутся вам полным бредом. Но дело в том... что есть у меня такое чувство... Словом, все, что мне рассказывают о моем прошлом, как-то никак не хочет укладываться в моей голове. Рассказы моих родных не находят никакого отзвука ни в моем сознании, ни в моей душе. Такая неудобоваримая, а то и вовсе неприемлемая информация, понимаете?

Я умолкаю в поисках подходящего слова, чтобы как можно точнее выразить собственные ощущения.

– Вырисовывается довольно банальный сценарий моей прошлой жизни: все эти годы я словно бежала по удобной колее, даже не задумываясь над тем, что эта колея уже езжена-переезжена.

И тут на меня нисходит озарение. На какую-то долю секунды я даже напоминаю самой себе некую сверхпопулярную героиню из известного телевизионного шоу, названия которого я, конечно же, не помню.

– Понимаю! Глупо все это! – Я слегка откашливаюсь. – Но после всего пережитого... После такой встряски... Как ни странно, но сейчас мне хочется перетрясти и всю свою прошлую жизнь тоже. Перетрясти и начать сначала. Более того, мое новое «я» требует от меня не только начать все сначала, но и не повторять всего того, что делала прежняя Нелл.

– Совсем это не глупо! – возражает Джейми и смотрит на меня таким открытым и честным взглядом, что я ему верю. Конечно, я понимаю! Он – профессионал. Такие, как он, умеют заговорить зубы кому угодно, но все равно я покупаюсь на его доброжелательную реакцию. – Во всяком случае, лично мне это не кажется глупостью! – Он слегка откашливается. – Но каковы бы ни были ваши мотивы, толкнувшие дать согласие на это интервью, знайте, что я вам крайне признателен за то, что вы согласились со мной встретиться.

– Я вам интересна потому, что свалилась с неба и осталась жива?

– Нет! – Он энергично встряхивает своими соломенными кудрями. – Нет! Я благодарен вам именно за то, что вы согласились на разговор со мной. – Джейми слегка склоняет голову набок, что делает его похожим на курицу, устраивающуюся на насесте на ночлег, и начинает внимательно разглядывать меня. – А вы держитесь молодцом... ведете себя просто по-геройски... с учетом того, через что вам пришлось пройти.

– Это, наверное, потому, что я ничего не помню. В противном случае от моего героизма не осталось бы и следа. Уверена в этом на все сто! Срабатывает ведь элементарное чувство самозащиты, инстинкт самосохранения, что ли. А тут такая психологическая травма. Если бы я запомнила момент катастрофы и все, что было потом, то я бы до конца жизни лечилась у всевозможных психотерапевтов.

Я вдруг вспомнила Андерсона, вспомнила, как он рассказывал, что, несмотря на сильнейшие снотворные, просыпается каждую ночь в холодном поту от тех кошмаров, которые ему снятся.

– Так что, как видите, особой моей заслуги в этом геройском поведении нет. Сами подумайте!

– И все равно! Я вам очень благодарен! Если хотите знать, ваша история, то есть вы! – она изменила и мою жизнь тоже. Я ведь с восемнадцати лет мечтал вырваться за пределы Айовы. Надеюсь, сейчас у меня получится!

– То есть, получается, вы хотите использовать меня в качестве буксира? Или подъемного рычага?

Глаза его делаются огромными-огромными, как блюдца, и сам он выпрямляется, словно от удара хлыста.

– Да шучу я! Шучу! – Я тороплюсь разрядить ситуацию. Кто он, этот парень? Почему его лицо так мне знакомо? И почему я веду с ним себя так, словно мы знаем друг друга много-много лет?

– Вы совсем не такая, какой я ожидал вас увидеть. Ничего от той женщины, про которую я собирал информацию, готовясь к встрече с вами.

Ну наконец-то! Хоть кто-то разморозит меня! Как говорится, кто ищет, тот всегда найдет!

Но вслух я роняю нечто очень нейтральное.

– Так вы собирали обо мне информацию? Интересно! Тогда наверняка вы обо мне знаете гораздо больше, чем я сама.

– Элино́р Слэтте́ри, тридцать два года. Имя дали в честь знаменитой песенки The Beatles «Элино́р Ригби», но родные и друзья зовут вас просто Нелл. Выросли в Бедфорде, штат Нью-Йорк. У вас есть младшая сестра, Рори Слэтте́ри. Она на пять лет младше вас. Вы дочь Френсиса Слэтте́ри, гения живописи, стоящего у истоков поп-арта начала шестидесятых. Он дружил с Энди Уорхолом. А потом

вдруг исчез, ушел в затвор, стал настоящим отшельником, и уже много лет о нем ничего не слышно.

– Вот как? – Я чувствую, как ускоряется мое сердцебиение. – А я думала, что папа уже умер.

– Умер? С чего вы взяли? – Он раздражается жизнерадостным смехом, видно, забыв о том, что речь вообще-то идет о жизни и смерти. – Жив-здоров, насколько мне известно. Во всяком случае, мне не доводилось читать сообщений о его смерти.

Я судорожно вздыхаю, пытаюсь осмыслить услышанное. Мама говорила, что его больше нет. Наверное, я просто неправильно истолковала ее слова. Нет – это просто значит, что его нет с нами. То есть она имела в виду, что он ушел от нас, исчез из нашей жизни. Вот я и решила, что отец умер. Я молча грызу заусенец на своей здоровой руке, той, что со шрамом.

– Продолжайте! – роняю я после короткой паузы.

– Но какое бы искусство он ни представлял, андеграунд или не андеграунд, как художник он был великолепен. Вполне возможно, он великолепен и до сих пор. Собственно, именно благодаря его творчеству вам с сестрой и удалось организовать свою галерею. Вы продали несколько его ранних работ, то есть с самого начала подогрели к себе интерес и со стороны посетителей, и в среде специалистов, потом очень быстро наладили связи с известными коллекционерами, которые почти в полном составе явились на ваш самый первый вернисаж. И буквально за пару лет завоевали себе очень солидную репутацию в мире искусства. А ведь ваша галерея открылась менее шести лет тому назад. Рори только-только выпорхнула из ворот колледжа.

– А что вы имели в виду, когда сказали, что он стал отшельником? Что такое уйти в затвор? Поясните, пожалуйста.

– Уйти в затвор? – растерянно переспрашивает он, видно, вполне искренне удивляясь тому, что именно ему приходится заполнять те пустоты в моей памяти, в которых раньше хранилась информация о моих родных и близких. – Ну это я так образно выразился. Просто в один прекрасный день он собрал свои вещи и исчез в неизвестном направлении. Вам тогда, насколько я помню, было

тринадцать лет. И с тех пор живет себе где-то в полном одиночестве. Как тот же Сэлинджер, к примеру! – Он сконфуженно умолкает. – Впрочем, имя Сэлинджера мало что вам скажет сейчас.

– Ничего не скажет! – соглашаюсь с ним я.

Мысленно пытаюсь представить себе, какой я была подростком: длинные волосы, брекеты на зубах, платице в мелкую клетку со смешными оборками и воланами. И меня вдруг почему-то накрывает волна такой острой жалости к этой немного несуразной девочке. Можно лишь догадываться, какой эмоциональный удар пришлось ей (то есть мне!) пережить, когда отец оставил семью. Бросил всех нас именно тогда, когда я больше всего нуждалась в его присутствии, в его советах, в его помощи, чтобы стать самой собой, нащупать свой собственный путь в жизни. Конечно, я молчу и не собираюсь высказывать все свои горестные мысли Джейми. С чего бы это мне делиться с ним сокровенным? Ведь мы же видим друг друга в первый раз. Но все равно я очень хочу, чтобы именно этот парень собрал для меня воедино тот пазл, в который превратилась вся моя прошлая жизнь. Так пусть же он решит для меня эту головоломку! А потом преподнесет мне ее в качестве подарка, в нарядной такой упаковке, с бантом, все как положено.

– Я смотрю, вы не пользуетесь никакими пометками или записями в блокноте. Помните все наизусть?

– Не все, конечно! – слегка краснеет он. – Но не скрою, я готовился к разговору с вами. Ведь для меня это интервью – поистине уникальный шанс. Впервые в жизни!

– Хорошо! Продолжайте!

Пока никаких дополнительных вопросов об отце. Новость, которую только что сообщил мне Джейми, слишком существенна, слишком грандиозна, чтобы начать трепаться о ней прямо сейчас. К тому же в ней есть что-то мазохистское. Что ж, посмотрим, что еще приготовил нам Джейми. Какие еще клубки семейных тайн он успел размотать?

– Вы окончили университет третьей на своем курсе по полученным баллам. Ходили слухи, что у вас совершенно уникальный талант к музыке. Такой же, как

у вашего отца к живописи. Но в студенческие годы вы отдавали предпочтение не музыке, а теннису.

- То есть? - переспрашиваю его я непонимающим тоном.

- То есть ваш отец был настоящим художником. В этом было его призвание. А ваше призвание - музыка. Вот таким вот диковинным образом перемололись ваши гены, вобрав в себя и талант к живописи, и талант к музыке. - Джейми умолк, потом недоуменно повел плечами. - Честно, я не очень силен по части генетики. Никогда не задумывался над этими вопросами.

Я кивнула, давая понять, что его объяснение принято.

- Продолжайте!

- За ваши успехи в теннисе вам дали стипендию для поступления в Лихайский университет, штат Пенсильвания, но вы выбрали Университет Бингемтона, а окончили уже Нью-Йоркский университет по специальности «юриспруденция» со степенью бакалавра. Пятью годами позже вышли замуж за Питера Хорнера, а незадолго до замужества вы вместе со своей сестрой открыли собственную художественную галерею. Сравнительно недавно вы расстались с Питером Хорнером. А потом случилась эта ужасная авиакатастрофа в Айове. И теперь вы здесь. Вот, пожалуй, и все!

Сравнительно недавно рассталась с Хорнером! Я не ослышалась?

- Минуточку-минуточку! - Я приподнимаюсь на подушках и подаюсь вперед, стараясь как можно ближе придвинуться к Джейми, словно это может помочь мне понять должным образом смысл того, что я только что услышала. - Я рассталась со своим мужем?

- Ну и дурак же я набитый! А вы не знали? - Щеки его мгновенно из розовых стали ярко-пунцовыми. Вот почему я с самого начала поверила ему. Он ведь так естественен во всех своих реакциях. Плохо контролирует себя, если допускает промах или ошибку, не вполне владеет собственными эмоциями. Хороший репортер, безусловно, но еще не заматерел, не умеет прятаться за бронированным щитом профессиональных навыков. - О боже! Так вы ничего не знали? - Джейми вскакивает с моей кровати и начинает нервно расхаживать по

палате. – Какой же я болван! Я был уверен, что вы в курсе! Как же вы этого не знали?! – Джейми замедляет шаг возле меня и начинает бурлить своим взглядом. И в эту минуту он очень похож на восьмилетнего мальчугана. – Пожалуйста! Держитесь! Только не надо сердечного приступа!

– Вы имеете в виду сугубо медицинскую реакцию, да? – спрашиваю я и вижу, как у него дергается голова. – Успокойтесь, Джейми! Никакого инфаркта со мной не случится! Уверю вас!

А вот свою семейку мне стоило бы придушить! Надо же! Как ловко они меня обманывают. Сначала про отца. Теперь вот это! Что еще? О ком еще они умалчивают? Что еще прячется в темных закоулках моего прошлого? Ведь они же все уверены, что в своем нынешнем состоянии я просто ничего не вспомню.

– Дурак, дурак, дурак! – продолжает казнить себя Джейми. – И кто меня тянул за язык? Ведь предупреждал же доктор Мэчт: ничего такого, что могло бы вас расстроить... Что вы еще просто физически не готовы ко всякого рода дискуссиям или чересчур эмоциональным новостям! – Джейми снова усаживается на мою кровать. – Простите, ради бога! Честное слово! Я не хотел причинить вам вред.

Я сосредоточенно кусаю нижнюю губу. Пытаюсь понять, насколько новость о разрыве с мужем потрясла меня. Ответ лежит на поверхности. Совсем не потрясла. Хорошо, что хоть еще догадалась, что вообще-то такие новости не из числа приятных. От них, как правило, нормальные люди огорчаются.

– А почему мы с ним расстались? – спрашиваю я просто, безо всякого притворства в голосе.

– Я не уверен, что нам стоит продолжать этот разговор, – мнется в нерешительности Джейми.

– Послушайте меня, Джейми. Вы мне нравитесь. Сама не знаю почему, но вы мне нравитесь. И я вам доверяю. Судя по всему, вы единственный человек из тех, кто меня окружает в данную минуту, кто преисполнен желанием рассказать мне правду о моей прошлой жизни. Изложить факты, которые я – будь оно все неладно! – никак не могу вспомнить сама. А потому пожалуйста! Прошу вас! Расскажите мне всю правду, какая бы она ни была.

Джейми шумно вдыхает и начинает энергично тереть ладонями свои щеки.

– У меня большие сомнения насчет того, имею ли я право так поступать.

Я внимательно разглядываю его, прикидываю, как постараться и сделать так, чтобы перетянуть его на свою сторону. Первое, что приходит в голову, – попытаться манипулировать и заставить его перепрыгнуть через расселину, пока еще разделяющую нас. Пусть станет рядом со мной по одну сторону ущелья. Он ведь такой милый, такой почти что родной. Похож на старый любимый свитер, который долго провалялся без дела в одном из ящиков комода. Но вот он случайно попался мне на глаза, я извлекаю его на свет божий и вижу. Да! Это именно то, что мне подходит! То, что мне надо именно сейчас!

– Джейми! Вы хотите поучаствовать в операции по освобождению Нелл Слэттери? Иными словами, вы хотите мне помочь вырваться на волю из стен этого госпиталя?

Из той бездны мрака, в которой я оказалась. Добавляю я мысленно.

– Конечно! – неожиданно серьезно заявляет он. – Очень хочу!

– Расслабьтесь! Я не прошу вас закладывать мне свою душу! – шучу я мрачным тоном. – К тому же, насколько мне известно, у журналистов не может быть души, уже по определению.

Ха-ха-ха!

Смеемся мы вместе.

– У меня есть душа! – возражает он, отсмеявшись. – Потому-то я так и расстроился. Не хотел вас огорчать!

Хотел! Еще как хотел!

Я молча киваю в знак согласия. А сама думаю: возможно, именно поэтому меня к тебе и потянуло. Сработал внутренний инстинкт. Вполне возможно, у меня он и

не так уж сильно развит, но я умею прислушиваться к тому, что он мне подсказывает. Что дальше? Рассказать ему для начала всю мою историю, как я ее себе представляю, с учетом всего того, что я узнала уже непосредственно от него? Ведь, в сущности, сейчас я делаю свой первый шаг на пути к себе, но уже другой себе.

– Вы меня совсем не расстраиваете! Напротив! Вы меня просвещаете. Рассказываете мне о том, о чем другие пока по неизвестным мне причинам умалчивают.

Джейми резко кивает. Кажется, он понял, о чем я толкую. В конце концов, он ведь журналист. И законы распространения и обмена информацией ему хорошо известны. И медиум, и транслируемое им сообщение могут кардинально изменить любой порядок вещей.

– Вы же понимаете! – пускаю я в ход свой самый весомый аргумент. – Не хуже меня знаете, что море журналистов осаждает стены этого госпиталя. И все жаждут поговорить со мной, заполучить от меня хоть какую-то информацию. Я ведь слышу, как они бесконечно звонят на сестринский пост. Наблюдаю, как они все толкуются возле вас, когда вы выходите в эфир. Однако из всех я выбрала вас. Именно вас! Так сделайте мне одолжение! Расскажите мне все, что я должна знать... что я хочу знать. А я, в свою очередь, обещаю вам исключительные права.

– Исключительные права?

– Ну да! Право распоряжаться полученной от меня информацией. Право доступа не только ко мне, но и к моим близким, ко всей истории моей жизни. Иными словами, можете использовать меня по полной для того, чтобы вырваться из столь надоевшей вам Айовы. Из этой дыры, как вы сами говорили.

Он молча проглатывает мои слова, и по выражению его лица я понимаю, что я его сделала. Рыбка заглотила наживку! Да! Он хочет всего того, что я ему только что наобещала! И это его желание гораздо сильнее, чем намерение быть со мной добрым и обходительным. Что ж, такова человеческая натура. Инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

– А сейчас расскажите мне вот что! Коль скоро мы с вами заключили договор о сотрудничестве и вы добровольно согласились поучаствовать в операции по освобождению Нелл Слэттери, то для начала просветите меня, почему мы с Питером расстались. Итак, коротко и быстро! Действуйте решительно! Смело срывайте этот пластырь с моей раны.

Какое-то время Джейми пожирает меня глазами, видно, желая удостовериться, что я достаточно сильна физически и говорю совершенно искренне. Кажется, он удовлетворен увиденным.

– Хорошо! Договор так договор! – Он застывает в неподвижной позе на какое-то мгновение, а потом обрушивает на меня очередную новость. – Он вас обманывал!

– Хм! Вот как! – говорю я и принимаюсь разглядывать свои пальцы: израненные кутикулы, изломанные ногти, заросшие кожей лунки. Прислушиваюсь к своему пульсу. Наверное, моя реакция на это известие должна быть более болезненной. Я точно знаю, что она должна быть более нервной. Черт-черт-черт! Так почему же ты не расстраиваешься? Почему не рыдаешь от злости? Почему не поклянешься, что никогда более не заговоришь с этим типом? – И с кем же он мне изменял?

– С какой-то своей коллегой по работе. Если честно, то я не сильно копал в этом направлении. Сама тема меня не очень заинтересовала. – Джейми слегка покачивает головой. – Кстати, я и в своих репортажах ее ни разу не коснулся. Одно могу сказать – он съехал от вас. Точнее, это вы его выставили за дверь. Где-то месяца четыре тому назад.

– Да? Но врач сообщил мне, что на момент авиакатастрофы я была беременна. Срок около восьми недель.

– Вот этих подробностей я не знал! – Лицо Джейми искажает страдальческая гримаса. Снова нормальная, человеческая реакция. – Если вы захотите, я постараюсь навести кое-какие справки... в пределах дозволенного, разумеется! Есть ведь черта, которую я в любом случае не имею права пересекать. Какая трагедия! Какая беда! И это после всего того, что вам довелось пережить!

Мои глаза затуманивают невесть откуда поступившие слезы. Нет, не из-за Питера! Меня растрогало участие Джейми. Впрочем, может, и из-за Питера. И слезы в связи с изменой мужа – это и есть моя естественная реакция на случившееся. Хотя я совершенно не помню, как я отреагировала на эту новость на самом деле. Джейми застывает на месте. Он явно растерян, не знает, как ему вести себя дальше. Я глажу руками щеки и делаю глубокий вдох, стараясь протолкнуть внутрь тот комок, который застрял у меня в горле.

– Для журналиста вы чересчур нравственный человек, – роняю я после короткой паузы и даже пытаюсь изобразить на своем лице некое подобие улыбки.

– Ничего подобного! – Джейми улыбается мне в ответ. – Поверьте мне на слово! Мои коллеги распотрошили беднягу Андерсона по полной программе. Все его прошлое вывернули наизнанку. Кто уже только не засветился в репортажах о нем. Старые подружки со своими откровениями, пассии на одну ночь, тоже честно отработавшие свои пятнадцать минут эфира. Соседи, которые не смогли пробиться со своими сплетнями на первые полосы таких известных изданий, как журнал «Эсквайр». Но в отношении вас подобное поведение кажется мне недостойным. Хотя бы уже потому, что человек вы непубличный. А потому, несмотря на все мои журналистские инстинкты, – Джейми снова слегка откашливается, – мне не хотелось бы давать этой истории ход. Я имею в виду любовную интрижку мужа, вашу беременность и прочее. Все остальное – пожалуйста! Я так и старался поступать в своих репортажах, и информацию в основном собирал именно по этим направлениям.

Я молча откидываюсь на подушки и смотрю в окно. Ярко-синее летнее небо над Айовой. Ни единого облачка! Солнце уже клонится к закату. Совсем скоро на безбрежные поля вокруг ляжет ночная тень. Еще один день отойдет в прошлое. А навстречу ему спешит уже новый. И так день за днем, до бесконечности, и в каждом из них ничего нового для меня. Вместо головы – какая-то бездонная воронка, которую ничем и никогда не заполнишь.

– Из всего того, что вы нарыли обо мне, какое у вас складывается впечатление о моей прошлой жизни? Я была счастлива, по-вашему?

– Ах, Нелл! Ради бога! – Джейми отводит глаза в сторону. – Разве я вправе отвечать на такие вопросы? Наверняка найдутся люди, которые сумеют ответить на этот вопрос лучше меня.

Я закрываю глаза в знак того, что ответ принят. Потому что оба мы прекрасно понимаем и вполне отдаем себе отчет в том, что, к большому сожалению, таких людей рядом со мной сейчас нет.

* * *

Когда я просыпаюсь в очередной раз, за окнами уже темно. Чувствую страшную усталость во всем теле. Такого спада не было уже несколько дней.

- Нелл! - слышу я голос Питера. В углу маячит его фигура.

- Почему ты мне ничего не сказал? - сразу же набрасываюсь я на него и с раздражением закрываю глаза. Одно желание: чтобы он поскорее исчез, растворился в небытии, как и положено бывшему мужу. - Ты должен был! Должен был рассказать мне обо всем сам! - Голос мой звенит, ударяется о стены палаты, заполняет собой все пространство и взрывает царящую в нем тишину.

Конечно, это должен был сделать ты! А если не ты, так Рори! А если не Рори, так моя мать! Сколько же слоев кожиры мне предстоит снять со своей прежней жизни, пока я докопаюсь наконец до истины?

Но ничего такого я вслух не произношу. Не хочу давать волю своему негодованию. К тому же я не уверена, что отныне могу доверять кому-то из них. Да и с какой стати мне им доверять, даже если они примутся уверять меня, что вели себя корректно и были честны по отношению ко мне?

- Сам знаю, что должен был! - Голос Питера дрожит. Но я не чувствую к нему ни капли жалости. Только одно отвращение. Еще не хватало мне после всего, что со мной случилось, упиваться жалостью к бывшему мужу. Или умиляться его эгоизмом. - Пойми же! Мне было велено молчать. Сказали, никаких дополнительных стрессов. Врачи вообще строго-настрого приказали нам никоим образом тебя не расстраивать. Ну вот я и молчал!

Жалкая отговорка! Не более того!

- Отлично! - резко говорю я. - Но теперь, как видишь, я все знаю!

- Прости! - лепечет Питер и тут же начинает плакать. - То есть я хотел сказать тебе, что я уже тысячу раз просил тебя простить меня... просто ты не помнишь... Но я-то помню! Мне очень жаль, что все так получилось.

- У меня нет сил на дальнейшее выяснение отношений. А если в прошлом подобные семейные сцены и имели место, то я их, к счастью для себя, не помню. И это просто замечательно. Зачем женщине помнить о том, как ее муж спал с другой?

- Позволь мне рассказать тебе, как все было на самом деле! - просит меня Питер умоляющим тоном. - Может быть, это поможет.

- Поможет? Кому? Мне или тебе? - Я нащупываю рукой кнопку вызова. Сейчас вот нажму, явится сестра и заберет его отсюда к чертям собачьим!

- Нам обоим. Именно так. Нам обоим! - Питер не говорит, а скорее бормочет себе под нос. - Больше всего на свете я хочу, чтобы ты позволила мне восстановить наши прежние отношения. - Он начинает поправлять бейсболку, потом срывает ее с головы и долго мнет в руке, прежде чем снова натянуть на голову. Давно не мытые волосы прилипли ко лбу. Горе последних двух недель кардинально изменило его облик. Куда подевались румянец и пухлые щеки? Лицо осунулось и постарело. Вообще-то, думаю я, странно все это для той, прежней Нелл. Ведь это мне следовало бы умолять его о том, чтобы он дал мне второй шанс. Умолять, рыдать, ползать на коленях... Даже сквозь ту пелену, которой затянут для меня весь окружающий мир, я вижу, как он хорош собой, как красив. Почему же я не могу оценить по достоинству все плюсы ситуации? Вот он здесь, предо мной, терпелив, полон раскаяния. Более того, вероломный изменник даже просит меня о том, чтобы я его простила и мы смогли бы начать все сначала.

- А до этого... в той прежней жизни я тебе дала такой шанс начать все сначала?

Вот он, этот мрачный водораздел в моей жизни, уныло размышляю я. С одной стороны - немота и беспомощность, с другой - злость и негодование.

- Да, ты была добра. Очень добра! Я старался изо всех сил... в смысле загладить свою вину...

Голос Питера снова предательски дрогнул. Так бы ему сейчас и врезала! Прямо в подбородок!

- Ты же прекрасно знаешь, что я все равно ничего не помню.

- Да! - согласно кивает он с обреченным выражением лица. Дескать, здесь он бессилён мне помочь.

Мне хочется крикнуть ему:

Здесь мы все бессильны, не так ли? Так какого черта ты пристаешь ко мне с тем, чего хочешь тебе? А как насчет меня? Ты спросил меня, чего хочу я? А я вот страстно хочу вспомнить свое первое свидание. Или отца... представить, каким он был на выпускном вечере по случаю окончания школы.

- Итак, этот младенец... он...

Питер не выдерживает и начинает рыдать уже во весь голос. Я вижу, как сотрясается от рыданий все его тело. Тогда я перевожу взгляд на потолок и молча жду, когда завершится это шоу по демонстрации безутешного горя. Наконец он как-то справляется с собой.

- Я ничего не знал! - Он смотрит мне прямо в глаза. - Честно! Я ничего не знал о твоей беременности. Ты ведь ни словом не обмолвилась об этом...

Он оттирает слезы с лица тыльной стороной руки.

- Но это мой ребенок! Мой! Мы... мы же помирились! - Голос его дрожит, но он продолжает говорить. - И сейчас, зная, что я потерял... и как много это значит для нас обоих... я готов сделать все, что угодно... все, что угодно! Только бы ты дала мне второй шанс!

- С какой стати мне давать тебе второй шанс? - Я прислушиваюсь к негромкому гулу работающих медицинских приборов. Хочется лишь одного. Чтобы Питер поскорее ушел, и тогда в палате будет слышен только этот шум работающих машин.

– Я хочу помочь тебе вспомнить прошлое, рассказать тебе о том, как ты любила меня, как мы любили друг друга... Думаю, у меня бы это получилось! Я бы рассказал тебе о том, какими мы были, поделился бы своими воспоминаниями о том времени. – Он откашливается, прочищает горло. Чувствуется, что уже почти пришел в себя. – И о том, кем мы стали, тоже бы рассказал.

Я молчу. Для этих целей у меня уже есть Джейми. В первое мгновение мне хочется выпалить что-то обидное. Дескать, опоздал, голубчик! Я уже наняла себе Джейми для рассказов о моем прошлом. Но запрятанный где-то очень-очень глубоко во мне внутренний голос советует не делать пока таких резких выпадов. Странно! Но я повинуюсь. Действительно, не стоит усугублять ситуацию. Она и без того взрывоопасна. К тому же, вполне возможно, Питеру уже известно о Джейми. А потому, несмотря на все отвращение, которое я испытываю к своему мужу сейчас, пусть все идет своим чередом. Хотя бы непосредственно в данную минуту. Ведь я уже не та, какой была прежде. Я – новая! Размягченная, почти сентиментальная и почти согласная смотреть на мир сквозь розовые очки.

– Умоляю тебя, Нелл! Пожалуйста! – канючит Питер, четко уловив мое внутреннее смятение. – Я готов на все!

Я вздыхаю и смотрю на часы в углу палаты. Еще только 8.35 пополудни. Джейми появится со своим очередным репортажем лишь утром. А Андерсон уже уехал в свой реабилитационный центр. Придется звать на помощь сестричку, чтобы она загрузила для просмотра новые серии «Друзей», а музыкальные записи на своем айпоне я уже прослушала столько раз, что батарейка села окончательно и даже быстрая подзарядка не спасает дело. И что мне прикажете делать весь вечер до отхода ко сну?

Я снова закрываю глаза, и куда-то в сторону уходят и моя злость, и недоверие к этому человеку. Ярость исчезает, будто опухоль, вырезанная рукой опытного хирурга.

– Хорошо! – негромко роняю я. – Рассказывай! Расскажи мне нашу историю, как ты ее себе представляешь. Хотя не могу обещать тебе, что это что-то изменит в будущем.

Глава пятая. Джо Кокер: «Поверь в меня хотя бы чуть-чуть»

Питер сосредоточенно кусает нижнюю губу. Явно не знает, с чего начать. А хочется начать с чего-то такого... с чего-то судьбоносного... слишком многое сейчас поставлено на карту. Ведь если он ошибется, Нелл никогда не простит ему. Никогда больше не посмотрит она на него тем влюбленным взглядом, которым смотрела раньше. И самое главное! – она никогда не примет его обратно!

Какое-то время Нелл выжидательно смотрит на мужа, но потом отводит взгляд в сторону и начинает рассеянно рассматривать палату, сосредоточенно двигая при этом челюстью. Такое впечатление, что она что-то обдумывает. Но вот она снова замечает мужа, тяжело дышит и ждет. И снова тяжело дышит...

Питер срывает с головы бейсболку и нервным движением взъерошивает волосы, все еще влажные после недавно принятого душа в дешевом номере отеля. Потом делает глубокий вдох, словно собираясь с силами, и начинает.

– Я начну с нашей свадьбы! – говорит он и непроизвольно кивает головой, в такт своим словам, словно желая убедить не столько ее, сколько самого себя, что он правильно выбрал тему для первого серьезного разговора. Он отлично понимает, какова цена потери, которая ожидает его в этой палате, сделай он неверный выбор. Не может же он начать с описания убогой однокомнатной квартирki, которую снял после того, как Нелл выставила его вон из своей квартиры. Сама мысль о том, что ему предстоит снова вернуться туда через какое-то время, сама эта мысль ненавистна и приводит его в душевный трепет. Такое смехотворное убежище может позволить себе снять юнец, только-только окончивший колледж. Снять, а потом отгородить часть жилой комнаты, которую до недавнего времени делил со своим приятелем по курсу, какой-нибудь хлипкой стенкой из картона или пластика, и вытолкнуть соседа в эту импровизированную спальню. Что вполне простительно для людей молодых и еще не окончательно утративших стыд по утрам, когда надо собираться на работу после беспутно проведенной ночи. Но его юность давно позади. Он уже успел растратить былой интерес к подобному времяпрепровождению. Да и в себе самом он тоже многое растратил, и к сожалению, безвозвратно. – Да! Начнем с нашей свадьбы. Понимаю, звучит банально. Но это действительно был самый лучший день в моей жизни! – Он слегка откашливается и поправляет себя: – В нашей жизни!

На самом деле он и понятия не имеет, какой день был самым лучшим в жизни Нелл. Вот уж правда! Говорить с ней сейчас об их совместной жизни – это все равно что двигаться по минному полю. Того и гляди наступишь на мину... Хотя бы со свадьбой все по крайней мере ясно. Самая безопасная история из всех, с какой стороны на нее ни посмотри. С нее и начнем!

– Я видела свадебные фотографии, – уточняет Нелл, и Питер бросает на нее вопросительный взгляд. Что это? Приглашение к продолжению разговора? Или она просто дает понять, что пощады ему не ждать.

– Да-да! Я знаю! – Его голова начинает непроизвольно дергаться: вверх-вниз, вверх-вниз. – Но на самом деле фотографии не передают и сотой доли того очарования, которым наполнилось само событие в реальной жизни. Воистину волшебный день! И все вокруг было похоже на чудо.

– На чудо?! – переспрашивает Нелл и издает сдавленный смешок.

Питер чувствует, как его уши запылали. Эта женщина откровенно насмехается над ним! Впрочем, разве он не привык к ее постоянным насмешкам? Нелл с большой натяжкой можно назвать добрейшей и самой ласковой из жен. Она не из тех, кто станет нежно гладить его ноги по ночам или смотреть ему в рот, когда он что-то изрекает при свете дня. Она не прильнет к его плечу в ожидании, пока готовится ужин и жарится на плите картошка с рыбой. Или что-то еще. О нет! Эта женщина слеплена из другого теста. Она похожа на линейный флагман, возглавляющий кильватерную колонну судов. А он – всего лишь жалкое плавательное средство, которое плетется сзади в ее кильватере. И при этом она не снизойдет до того, чтобы оглянуться назад и посмотреть, как он там барахтается без ее помощи. Все еще держится на плаву или уже пошел ко дну? Но поначалу такая конфигурация семейных отношений его даже устраивала. Друзья откровенно завидовали. Надо же, какая понимающая жена попалась! Не возражает против ночных попок с приятелями, не хватает его за штанину, чтобы удержать при себе, не умоляет о ребенке, терпеливо ждет, когда он сам созреет до отцовства. Словом, ему нравилось такое необременительное существование в браке. Ведь, по сути, ничего в его жизни не изменилось после того, как он произнес слова брачного обета, в сопоставлении с прежней холостяцкой жизнью. Однако где-то год тому назад, бреясь утром перед выходом на работу, Питер вдруг посмотрел на себя в зеркало и задался резонным вопросом: а что ты вообще делаешь в этом доме? Ведь на самом деле ты из тех мужчин, которым нравится осознавать, что они нужны своим женам.

Но Нелл, судя по всему, не нужен никто. Так наметилась первая, едва заметная трещина в их отношениях. День ото дня их шуточные перепалки становились все менее и менее шутивными, а сами шутки окрашивались все большей долей яда. Они уже не столько веселили, сколько задевали за живое. Вот так одно цеплялось за другое, пока на горизонте не появилась та самая Джинджер, его коллега по работе.

– Думай, что тебе угодно! И говори что хочешь! – отвечает Питер жене, твердо вознамерившись держаться намеченного курса. Но для этого надо на какое-то время забыть о Джинджер! Ох, уж эта Джинджер! Глупейшая и самая фатальная ошибка в его жизни. – Повторяю еще раз! Наша свадьба стала самым настоящим чудом.

Он умолкает, она усмехается. Но ее улыбка совсем не издевательская, как это бывало в прошлом. Нет, сейчас она определенно не насмехается над ним. И в ее взгляде больше нет прежней жестокости. А потому он тоже робко улыбается ей в ответ. Да, Нелл определенно изменилась, думает он. Вид у нее сегодня более счастливый, исчезла прежняя раздражительность. И это несмотря на все пережитое. А тот ли он человек, который ей нужен? Не принес ли он ей несчастье? Как делает несчастливым и самого себя. Вот твоя жена! Она пережила чудовищную авиакатастрофу, осталась в живых, но она ведь несчастлива. Это яснее ясного, стоит лишь взглянуть на нее. Так почему же ты надеешься, что твои попытки напомнить ей о прошлом возымеют силу и переменят ее в лучшую сторону? Не делаешь ли ты неверные ставки в своем Лас-Вегасе?

– Мы поженились в апреле в Сент-Люсии. Если точно, то двадцать третьего апреля. Твоя мама всячески пыталась переубедить нас. Предлагала для проведения торжества сад в своем доме или даже старую студию твоего отца в Вермонте. Но ты была неумолима. Сент-Люсия, и только!

– А почему именно Сент-Люсия?

Питер пожимает плечами.

– Возможно, потому, что это – одно из немногих мест, где не бывали твои мать и отец. Может, не хотела никаких ассоциаций или воспоминаний, связанных с отцом... А мне, по большому счету, было все равно где. Зато ты отнеслась к

выбору места проведения брачной церемонии очень серьезно. Как и к выбору музыки. Я же предпочел не путаться у тебя под ногами и делал лишь то, что мне приказывали.

– Я знаю. Я выбрала Джо Кокера.

Рори уже сообщила Нелл эту подробность.

– Да, твой выбор пал на Джо Кокера. – Питер откидывается на спинку стула и вдруг неожиданно для самого себя начинает напевать мелодию песни, сопровождавшей их свадьбу.

– «Дай шанс этим любящим рукам, детка! Поверь в меня хотя бы чуть-чуть!»

Он немного фальшивит. Это режет слух, особенно Нелл, моментально замечающей любые погрешности в исполнении музыки. Но в целом ничего! Вполне даже терпимо...

Какое-то время Нелл молча разглядывает мужа, и он застывает на месте, готовый принять очередную порцию насмешек. Но вот она слегка прищуривается и произносит следующие строки из песни.

– «Возложи на себя такое бремя, и ты все поймешь сама!»

Она произносит их таким шутливым тоном, будто эта строчка стала их семейным паролем. А ведь так оно и было, просто Нелл сейчас этого не помнит.

– О да! Точно! «И это все, что я хотел тебе сказать!» Точно так! – восклицает Питер радостным тоном и широко улыбается. Он заметно успокоился и уже почти не нервничает. А Нелл, кажется, впервые за последнее время фиксирует своим внутренним взглядом, как сейчас необыкновенно красив ее бывший муж. То есть он всегда был красавцем, но сейчас в его красоте появилось что-то особенное и даже трогательное. Как эта ямочка на левой щеке или едва заметные морщинки возле глаз. При его высоченном росте легко можно быть неуклюжим, но он так компактно устроился на стуле, что рост почти не бросается в глаза. Наверняка с таким ростом он был на первых ролях в университетской футбольной команде, думает она. Да и на студенческих

вечеринках с такими габаритами трудно затеряться.

– Сама свадьба была скромной, – продолжает делиться своими воспоминаниями Питер. – Мы пригласили человек пятьдесят. На торжество съехалось около тридцати гостей. Но ты была только рада. Ты ведь с самого начала настаивала на том, чтобы все мероприятие было предельно камерным и чисто семейным по духу. А твоя мать мечтала устроить банкет человек на двести. Но столько не смог бы вместить отель, в котором мы остановились. А потому тебе удалось отстоять свой вариант.

Наверху скалы! – задумчиво обронила Нелл. – Я просто вспомнила одну из наших свадебных фотографий, которые разглядывала целыми днями. Мы поженились с тобой на утесе, да?

– Да, именно так. Сама свадебная церемония проходила на вершине скалы. Такой обрывистый утес. – Голос его слегка дрожит от переизбытка чувств. Воспоминания нахлынули на Питера с новой силой. – Незадолго до начала брачной церемонии шел дождь, и ты была в полнейшем отчаянии. Сидела у себя в номере уже в полной боевой готовности в окружении матери, Рори, Саманты и горько плакала. Ведь при всем своем желании управлять погодой ты не могла. Но буквально за несколько мгновений до начала церемонии небо прояснилось и даже выглянуло солнце.

Питер снова заулыбался, погруженный в созерцание тех картин, которые проносились перед его мысленным взором и которые он по мере сил пытался описать сейчас Нелл. – И ты... вот этот миг я никогда не забуду! Ты вдруг взяла в руки гитару и тронула струны. В первый и, быть может, последний раз в жизни ты играла для меня. Это было потрясающе! Я до сих пор удивляюсь, как тебе удалось незаметно для всех, в том числе и для меня, привезти гитару на Сент-Люсию! – Питер бросает взгляд на жену. – Честно! Понятия не имею, как ты все это проделала. Но сама сцена была очень впечатляющей. Слово в кино. Облака стремительно исчезли за горизонтом, все небо озарилось солнечным светом, и ты... ты снова начала играть для меня. В этот момент у меня вдруг появилось такое чувство, что сам Господь взирает на нас с тобой с небес.

– Однако Он не взирал! – резко перебивает мужа Нелл, моментально ломая всю схему разговора, придуманную Питером. Наверное, надо заплакать, думает она, но чувствует, что от бывшего грустного настроения не осталось и следа. Что касается самой свадьбы, то ей нужны лишь сухие факты. Простое белое платье

невесты она уже видела на снимках. Невеста на седьмом небе от счастья. А вот все эти трогательные подробности о том, как жених и невеста любили друг друга и были счастливы в тот день, – они ей ни к чему! Такое впечатление, что Питер сейчас рассказывает ей историю о какой-то чужой жизни. Разве что вот момент, когда он вдруг стал напевать мелодию Джо Кокера и песенка вдруг эхом отозвалась в ее душе. Но эхо стихло, и все прошло. Мелькнула искорка и тут же погасла.

Питер стряхивает с себя мечтательное настроение, возвращаясь в день сегодняшний. Он прищуривается и начинает разглядывать жену, пытаясь понять, чего она хочет.

– Но ты здесь, со мной! Ты осталась жива! Разве этого мало?

– Кто знает, мало это или много...

– А я уверен, Господь желает, чтобы мы остались вместе. Нам еще предстоит столько дел. Больших дел!

Легко тебе говорить, думает она.

– Утес... Тебе не кажется, что в этом есть что-то символическое?

– Символическое? – переспрашивает он. – Ты имеешь в виду, для нас с тобой?

– Да, в том числе и для нас. Отвесная скала, обрыв... наша свадьба, твой обман...

Питер вздыхает и начинает тереть переносицу. Кажется, его вариант со свадебными воспоминаниями начинает пробуксовывать. Придется действовать на ощупь, опираясь исключительно на собственную интуицию. Индира, мать Нелл, обронила вчера в разговоре с ним, когда они оба, вымотанные донельзя, пили кофе в местном кафетерии при госпитале, что да! – по ее мнению, Нелл сильно изменилась после всего случившегося. Конечно, физические травмы и все такое – это одно. Но с другой стороны, она стала более веселой, более раскрепощенной, не такой замкнутой, какой была раньше.

Она ласково потрепала его по правому плечу.

– Потерпи немного. Все образуется, вот увидишь. – Как будто у него есть другие варианты. – Она обязательно все вспомнит. И тогда я поговорю с ней. Обещаю! – сказала ему теща на прощание.

Питер не стал возражать, не стал напоминать о том, что в прошлом все подобные инициативы Индиры поговорить с собственной дочерью оканчивались, как правило, ничем и никогда не приносили пользы. Но что толку говорить об этом сейчас? Все равно других вариантов у него нет. А потому он, едва не поперхнувшись очередным глотком горького кофе, пробормотал, что он совсем даже не против подобного доверительного разговора матери с дочерью.

Словно уловив невеселые мысли мужа, Нелл тут же дает ему некоторую передышку: быстро сворачивает тему свадебных торжеств, утесов и всего того, что с этим связано. Похоже, вся их семейная жизнь рухнула вниз с этой отвесной скалы и рассыпалась на сотни крохотных осколков, которые уже никогда не собрать воедино.

– Бог с ней, с этой свадьбой! – роняет она устало. – Забудь на какое-то время об этом грандиозном событии. Лучше скажи мне другое! Можешь ли ты прямо сейчас назвать мне хоть один свой поступок... или что-то такое, что ты сделал в этой жизни... Можешь ли ты сказать, что считаешь вот то или это по-настоящему значительным и стоящим?

Нелл неожиданно для себя вспоминает об обещании, которое она себе дала: обязательно стать значительным человеком, сделать в своей жизни что-то большое и важное.

На лице Питера появляется озадаченное выражение. Вопрос явно застал его врасплох.

– Значительное? Но почему? Бог мой! – Он начинает нервно тереть часы на левой руке, словно пытаясь выиграть время.

– Хорошо! Сформулирую вопрос попроще! Начнем с чего-то основополагающего. К примеру! Чем ты занимаешься в реальной жизни? Считаешь ли ты то, чем занимаешься, важным и нужным делом?

Питер колеблется с ответом. Он прекрасно понимает, что та, прежняя Нелл наверняка осудила бы его за никчемность всего того, чем он занимается. Да она и не раз высказывалась именно в таком духе. Ну да ей хорошо! У нее талант, у нее абсолютный слух, у нее куча всяких способностей. Пусть она и оставила свои занятия музыкой и лишь изредка – очень редко! – играла на гитаре для него или вместе с ним. И воистину то были счастливейшие моменты их совместной жизни. А ведь когда они только-только еще начали встречаться, музыка сопровождала их постоянно. Вечерами они допоздна музицировали вместе то на гитаре, то на фоне. Музыка – словно волшебная иголка, которая соединяла их друг с другом. Да, Нелл все прекрасно понимает. Или понимала. Понимала, что ему никогда не подняться до ее уровня, не стать такой, как она.

Он глубоко вздыхает и сообщает ей на выдохе:

– Вообще-то я пишу музыку. Такие веселенькие коммерческие мотивчики для всеобщего, так сказать, потребления.

Он берет в руки дистанционный пульт управления и включает телевизор. Попутно чувствует, как дрожат его пальцы, когда он перебирает клавиатуру. Комната заполняется какой-то незатейливой мелодией в стиле кантри.

– Что-то в этом роде! – констатирует он, приглушая звук. – Вот такого рода музыку я сочиняю! – С этими словами он снова выключает телевизор.

– Ну, это действительно пустяшная музыка! Ничего значительного в ней нет! – смеется Нелл в ответ, и на какое-то мгновение Питер задерживает дыхание. Что это? Снова насмехается над ним? Вроде нет! Просто шутит. В ее смехе на сей раз ничего обидного. И потом, музыка ведь и в самом деле пустяшная.

– Согласен! – тоже смеется он. – Откровенная халтура. Но платят за нее хорошо! И пока мне нравится сочинять именно такие незатейливые мотивчики.

Питер старается не думать о Джинджер, студия которой размещается по соседству с его студией. В сущности, восемьдесят процентов своей музыки они пишут вместе. Но сейчас тема Джинджер крайне неуместна. Как и то, что сестра его жены поспособствовала тому, чтобы Нелл оказалась в курсе его любовной интрижки. Рори эту новость сообщила какая-то приятельница, которая, в свою очередь, тоже услышала об этом, но уже от своей приятельницы. И вот так круг

замкнулся, создав лишь дополнительные проблемы в отношениях с Нелл и для Питера, и для самой Рори. В последний раз они с женой обсуждали его работу четыре месяца назад. И тогда, помнится, Нелл едва не запустила в него деревянным молотком, которым отбивают мясо. Об этом он тоже не станет сейчас напоминать ей. После чего Нелл выставила его за дверь своей квартиры. Навсегда. А девять недель назад у них случился по пьянке секс. Такой промежуточный эпизод типа интерлюдии. Питеру тогда показалось, что Нелл снова подседа на таблетки. Впрочем, вполне возможно, с наркотой было уже покончено. Завязала, так сказать, вопреки всем страхам. Конечно, он всегда понимал, что никакой такой сумасшедшей любви к Джинджер он никогда не испытывал. Какая там любовь? Ну да! Глазел на ее формы, которые она почти вываливала на него из своего декольтированного топики, склоняясь над ним, когда он колдовал за микшерным пультом.

Нет! Такими подробностями он сейчас точно не станет делиться со своей бывшей женой.

– Разве о такой музыке мечтаешь в юности? – задумчиво сказала Нелл, не ожидая ответа. – Коммерческие однодневки! Я и понятия не имела в те далекие годы, что существует такая работа: сочинять музыку на потребу дня.

– Согласен! Быть может, и моя миссия в этом мире несколько выше, чем просто писать песенки для сети ресторанов, которые занимаются доставкой пиццы на дом. Да! «Пицца Хат» – это, конечно, не мой уровень... но так вышло! – неохотно отвечает Питер.

– То есть ничего судьбоносного ты пока не создал?

Питер молчит. Лихорадочно соображает, как далеко может он продвинуться в их разговоре без опасения испортить все. И прежде всего – едва наметившееся взаимопонимание между ними. Инстинктивно он улавливает и душевные колебания Нелл. Ей хочется ненавидеть его, и одновременно он продолжает ей нравиться. Она даже готова бросить ему конец веревки, словно тонущему в пучине вод. А ведь раньше наверняка смастерила бы из этой веревки петлю и накинула ему на шею. Может, Индира и в самом деле права. Может, новая Нелл действительно стала другой. Такое чувство, что случившаяся трагедия обнулила ее, ту, прежнюю, чтобы дать ей шанс все начать сначала.

Но вот решение принято. Надо двигаться вперед. Чего ему опасаться? Ведь она даже не помнит подробностей той кровавой мясорубки, в которой оказалась. И уж тем более ничего не помнит из того, что они тогда наговорили друг другу. И о том, как Джинджер разрушила их жизнь, она тоже забыла. Нет! Если уж быть честным до конца, то это он сам, своими руками, разрушил их семейную жизнь. И Джинджер тут совсем даже ни при чем. Хотя долгое время после разрыва с женой и даже сейчас какая-то часть сознания Питера продолжает винить во всем случившемся и Нелл тоже, хотя бы частично. Да, если бы она помнила все это, если бы смогла вспомнить, то он никогда бы не рискнул двигаться дальше. Потому что и сама она в этом случае ни за что на свете не пошла бы ни на какое примирение. Никогда!

Ведь когда случилось это несчастье, они даже не общались друг с другом. Об авиакатастрофе Питер узнал от Рори. Она позвонила ему из машины, сообщила, что торопится в аэропорт, как раз сейчас минует стадион «Нью-Йорк джайентс», который служит домашней ареной для всех ведущих клубов Национальной футбольной лиги. Велела и ему подтягиваться в аэропорт. Он наспех побросал в сумку кое-какие вещи и поспешил на выход. Едва сумел вычислить Рори в огромной толпе собравшихся пассажиров. В самый первый момент он даже не отдавал себе отчета в том, что делает. Раз велела, значит, надо! И вдруг до него дошло! Бац! Словно удар по темечку... Его жена, жена, которая, между прочим, ненавидит его всеми фибрами своей души, ее больше нет! Она погибла! А потом выясняется, что – нет! – не погибла. Он узнал об этой новости шестью часами позже. Помнится, он даже чертыхнулся себе под нос, услышав эту ошеломляющую новость. Его жена осталась в живых. А ведь он не в силах ничего сделать, чтобы сохранить их брак. Ничегошеньки!

И вот сейчас слабая попытка. Да, он старается! Кое-чему он все-таки научился за последние дни.

– Знаешь, порой мне кажется, что самым значительным в моей жизни можешь стать именно ты! – восклицает он и сконфуженно умолкает. Только бы она не подняла его сейчас на смех, не стала бы издеваться над его искренним порывом. Раньше, еще до того, как все случилось, у нее никогда не было времени на всякие сентиментальности, даже тогда, когда он ухаживал за ней. Но теперь-то времени у Нелл предостаточно. Вдруг он затронет в ее душе какую-то чувствительную струну? – То есть я все для этого делаю... и делал... и сейчас помогаю тебе, стараюсь доказать, что я гораздо лучше, чем ты обо мне думаешь. Наверное, это и есть мое самое значительное дело.

Она не торопится с ответом. Что, может быть, и хорошо, и плохо. Он молча смотрит на большие настенные часы, висящие на стене в холле, которые видны через стеклянную дверь в палате. Большая стрелка совершает полный круг по циферблату, потом еще один. Питер тяжело вздыхает. Кажется, Нелл снова погрузилась в сон. Он тяжело поднимается со стула, и ножки противно скрипят в ответ. Вот он подходит к двери и берется за металлическую ручку, чтобы выйти из палаты, но в эту минуту Нелл открывает глаза. Он поворачивается, словно сумел расслышать легкий шорох ее ресниц, и они встречаются взглядами.

– Останься! – говорит она ему. – Пока останься!

Он молча кивает в знак согласия.

Да, я останусь, думает он. Навсегда!

Глава шестая

Быть может, кто-то подумает, что после месяца, проведенного на больничной койке, я буду изо всех сил рваться домой. Стану подпрыгивать до потолка, когда доктор Мэчт и сестра Алиса объявят сию радостную новость и выведут меня из полудремотного существования с бесконечным прослушиванием одних и тех же записей из коллекции «Любимые мелодии Нелл Слэттери», под музыку которых я продолжаю медитировать все последнее время, пребывая в мире своих грез и неясных образов. Но когда они сказали мне то, что сказали, то есть что я могу отправиться домой и там продолжить реабилитацию по детально разработанной специалистами и тщательно выверенной схеме, а раз в две недели мне следует показываться врачу и все такое, то если вы думали, что после этой новости, я вскочу с кровати и, несмотря на все еще не окончательно сросшиеся ребра, с восторгом сожму их обоих в своих объятиях и начну душить, то вы глубоко заблуждаетесь. Всего лишь одна короткая реплика врача о том, что я могу вернуться к своей прежней жизни, немедленно опустила меня с небес на землю. К какой такой прежней жизни? – тут же захотелось мне спросить у доктора Мэчта.

Неделей раньше Питер вернулся в Нью-Йорк. Работа не ждет. По правде говоря, с его отъездом я почувствовала облегчение. Нет, я пыталась, пыталась изо всех

сил дать нам еще один шанс – вдруг у нас действительно получится что-то значительное? Ведь я же обещала себе. Но с его отбытием я лишь с радостью перевела дух, как будто в палате сразу прибавилось воздуха. Да и время нужно, чтобы во всем разобраться, не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой. Мама тоже постоянно мутит воду, буквально принуждает меня к уступчивости, рассуждает о благородстве, словом, умоляет дать своему мужу этот самый второй шанс. Так и жужжит, и жужжит, словно надоедливая муха, целыми днями напролет.

Вскоре после того как Питер дал мне свои признательные показания, в дело вмешалась мама и стала убеждать врачей, что из ступора меня выведет только возвращение в привычную домашнюю обстановку. Разумеется, в глубине души она отлично понимала, что в нынешней ситуации это лишь еще сильнее привяжет меня к ней, превратит, так сказать, в вечного должника. По ее же инициативе и с ее непосредственным участием меня даже стали вывозить на прогулки. То есть именно благодаря маме я после двухнедельного пребывания в помещении получила наконец глоток свежего воздуха. Ничего общего со стерильно чистым, но безвкусным кислородом в палате. О, мама прекрасно знала, что должна сильно постараться, чтобы заслужить мое прежнее доверие к ней. Она ведь хитрющая женщина, моя мать. И хоть я не могу похвастаться тем, что знаю ее хорошо, но в этом я уверена на все сто. Вот она осторожно катит мою коляску, старается не трясти, везет меня осторожно, словно драгоценную вазу из дорогущего китайского фарфора, я вдыхаю полной грудью нагретый на солнце воздух, а она в это время изливает на меня свои высокопарные рассуждения о всепрощении. О том, как это благородно и возвышенно – взять и простить другого человека, о том, что такое деяние уже само по себе есть награда и о нем никогда не пожалеешь. А о чем еще можно мечтать в этой жизни? Лучшего и не надо! Забудь на время о нем! Думай только о себе! – наставляет меня мама. Да еще ее рассуждения о том, что в мире нет ничего черно-белого, а я, прежняя Нелл, была склонна воспринимать все происходящее именно в этих двух полярных тонах. Поверь мне! В нашей жизни преобладает не черное и белое, а серое! Воскликает мама. Она почти не сомневается в том, что после случившейся трагедии степень моей самозащиты, которая у меня всегда была на очень низком уровне, значительно возросла. Я признаюсь матери, что хочу воспользоваться этим вторым шансом, подаренным мне судьбой, она обнимает меня и радостно восклицает.

– Ты полна жизни! Новой жизни! И в этой новой жизни у тебя все будет по-новому.

Я лишь молча киваю в ответ. Теплый летний воздух конца июля приятно согревает лицо. И самочувствие вроде неплохое. И простила я уже достаточно, чтобы сейчас просто радоваться солнцу. О'кей! Я согласна! Всепрощение? Хорошо! Я попробую! Вполне возможно, в своей новой жизни мне захочется поэкспериментировать со всепрощением. Мама с признанием гладит мою руку и улыбается какой-то странной, чересчур мягкой улыбкой как человек, перебравший с привычной дозой морфина. А потом восклицает с почти детской восторженностью, что да! – она знала, она знала, что после всего того, что случилось, я стала совсем другой. Не такой, как прежде.

Но несмотря на то что я стала, по мнению мамы, другой, возвращение Питера в Нью-Йорк меня обрадовало. И не потому, что я не горела особым желанием немедленно заняться перестройкой своих семейных отношений или сомневалась в том, что Питеру можно снова доверять. Просто мне не хотелось с места в карьер начинать возвращать в себе это самое благородное чувство всепрощения, о котором так печется моя мать. Все же это процесс длительный и весьма трудоемкий. А я и так потратила слишком много сил в последнее время и истощена сверх всякой меры.

Но Питер пока ни о чем таком не подозревает. Он улетел в Нью-Йорк в понедельник, а накануне отъезда на меня обрушился буквально водопад всяких счастливых и безмятежных историй о нашей прежней жизни. Конечно, все эти воспоминания принадлежали ему. Сама я еще не в состоянии вспомнить хоть что-то. Но тем не менее я слушала истории с интересом и даже не противилась легкому поцелую в щеку, очень похожему на поцелуй на самом первом свидании. Та же нерешительность и смятение во взгляде. Он принес мне шоколадные батончики и ванильный пудинг, сказал, что это мои любимые лакомства. Лакомства показались мне вкусными. Не то чтобы восторг, но вкусные. Вполне возможно, подумала я, та прежняя Нелл, любила и более экзотические сладости, то, что ей действительно было по вкусу, но вслух я предпочла это не комментировать, а лишь поблагодарила его.

Итак, я лакобилась шоколадным батончиком, а Питер рассказывал мне о нашем первом свидании, кстати, довольно неуклюжем, по его словам. Мы оба были немного зажаты, не знали, о чем говорить. Словом, никаких общих интересов. Но тут он подошел к музыкальному автомату и поставил запись песенки «Сестра Кристин»[2 - Sister Christian (англ.)]. И я невольно улыбнулась и рассказала ему о том, что в седьмом классе с ума сходила от любви к солисту группы Night Ranger. И тут мы оба немного раскрепостились, заказали себе еще по пиву. А потом,

когда он пошел провожать меня домой, то начал целовать, и я то ли под влиянием выпитого пива, то ли по другим причинам даже отвечала на его поцелуи.

– Тебя можно покорить только через музыку! – прокомментировала по телефону на следующий день Саманта новость о моем перемирии с Питером. – У него ведь музыка в крови. Впрочем, как и у тебя самой. Помнится, всякий раз, когда мы устраивали в университете вечеринки под караоке, ты всегда была лучшей из нас. Отличный звук! – говорила ты, но ты и сама была на высоте! Твой голос, мощный, сильный, перекрывал любой звук. Что ж, поздравляю! С ним ты снова запоешь.

– А что ты скажешь о его музыке? – Я машинально ткнула пальцем в айпод, который лежал у меня на коленях. Воистину я стала с ним неразлучна: вечно с наушником, за исключением тех моментов, когда у меня брали анализы, делали инъекции или проводили какие-то другие реабилитационные процедуры. – Как я к ней относилась раньше?

– Понятия не имею! Ты не сильно распространялась о том, что тебе нравится, а что – нет. Знаю лишь, что поначалу она тебе вроде бы даже нравилась... даже восхищала... Но потом, со временем, ты утратила интерес...

В трубке повисает короткая пауза. Мне слышно, как Саманта кладет в рот очередную порцию своей любимой китайской лапши ло-мейн и попутно дает указания клиенту заполнить какие-то бланки. Бедняжка! Еще торчит в офисе.

– Честно! Не помню особых подробностей! – снова говорит она в трубку.

– Да и чего я к тебе пристала! – укоряю я себя. В самом деле. С какой стати люди должны обязательно помнить о нас то, что хочется нам!

Я снова возвращаюсь мыслями к Питеру. После того как он подробно изложил мне историю нашего первого свидания, он сделал еще одно признание.

– Хочу, чтобы ты узнала об этом именно от меня! – сказал он.

Однажды вечером я допоздна засиделась у себя в галерее. Готовились к открытию очередной экспозиции. А у нас с Питером участились в последнее время ссоры, почти на грани драки. Правда, почему и из-за чего мы ругались так часто и остервенело, он не помнит. Просто спорили, но яростно, как говорится, до посинения. Вот так все сошлось. Они с Джинджер как раз в этот же самый день успешно завершили свой очередной проект: музыку к рекламным роликам, в том числе и для рекламы новейших программ по оказанию бухгалтерских услуг. Надо же! Оказывается, они даже пишут музыку для рекламы бухгалтерских услуг, подумала я и даже переспросила, желая удостовериться, что не ослышалась. Словом, проект сдан, и они пошли отметить это событие в бар, расположенный в их же офисном здании. К моменту закрытия бара оба изрядно приняла на грудь. К тому же Питер был страшно зол на свою жену. А дальше все развивалось по традиционной схеме любой интрижки, которая завязывается на работе. Они вернулись в студию и занялись любовью прямо на полу. Но это было все, подытожил он свое признание.

Плохо же я знаю тебя, Питер!

– Я тебя прекрасно знаю! – воскликнула в трубку Саманта, снова включив меня в наш с ней разговор.

– Ты так думаешь? – Я пожала плечами в ответ, будто Саманта могла увидеть это по телефону.

– Да! Знаю! Знаю, что тебе нравилось думать, будто Питер надежен на все сто.

– Но, по иронии судьбы, он оказался надежен всего лишь на девяносто девять! – язвительно пошутила я в ответ.

– Да! – тут же согласилась она со мной. – В тихом омуте... сама знаешь... Внешность обманчива! Но вы – пара! Вы были парой, во всяком случае!

– Это комплимент? Или как?

– Я – твоя лучшая подруга! И это не только комплимент! Это – правда!

- Получается, что музыка нас не связывала. Тогда что еще? Что делало меня счастливой? Чем я вообще занималась в свободное время? Когда не было работы?

Она молчит. А я думаю почему. Не знает, что сказать? Или тщательно обдумывает ответ?

- Полагаю, только работа.

- Думаешь?

- Если честно, не знаю! По правде говоря, мы ведь с тобой, когда пересекались в последнее время, то просто трепались обо всем на свете. Ничего серьезного!

- О чем трепались?

Перед моими глазами встает образ той унылой особы, которая изображена на обложке глянцевого журнала под названием «Пипл». Маловероятно, что люди с таким постным выражением лица умеют «просто трепаться».

- О чем, о чем! О моей мачехе, к примеру. Или о твоей матери. О моей работе, о том, как я сплю... О твоей сестре. Словом, обо всем понемногу. - Я слышу тяжелый вздох на другом конце провода. - Знаешь, мне только что самой пришло в голову! Как же мало мы на самом деле говорили с тобой о том, что делает нас по-настоящему счастливыми.

- А что я тебе рассказывала о Рори? - спрашиваю я, пропуская мимо ушей реплику своей лучшей подруги о счастье. - Может, жаловалась на нее? Обижалась?

Саманта весело смеется в ответ.

- Иногда мне кажется, что это даже хорошо, что у тебя отшибло память. Честное слово! Чистый лист бумаги! Все сначала! Ну и отлично! Может, и были между вами какие стычки. Откуда мне знать? Кавалеров, к примеру, не поделили. Обычное дело между сестрами. Такая форма родственной конкуренции, что ли. Наверняка ругались по работе... разные подходы к обустройству галереи.

Придирки всякие... Ты же у нас дотошная, а она меньше вникала в мелочи. Ты была сдержанной, а она, напротив, взрывной и открытой. Словом, огонь и вода, инь и ян.

- Не думаю, что мы такие уж противоположные! - не соглашаюсь я.

- Вот я же и говорю! Хорошо, что ничего не помнишь! Здорово даже! - кричит она в трубку и убегает на какую-то летучку. - Чего не помнишь, того и не было! - обнадеживает меня на прощание подруга.

* * *

Сразу же после доктора Мэчта, который удалился, обрадовав меня дарованием свободы и тем, что разрешил вернуться к своей младшей сестре и к мужу, словом, снова погрузиться с головой в прелести семейной жизни, а заодно и узнать наконец, почему я однажды играла на гитаре для Питера, так вот, следом после доктора в палату просовывается через дверь голова Джейми.

- У меня для вас новости! - начинает он прямо с порога.

- У меня для вас тоже! - отвечаю я.

- Знаю! Вас отпускают домой! - Он широко улыбается, но как-то немного покровительственно.

- Еще бы! Вам бы да и не знать! - раздражаюсь я и закрываю глаза.

- Издержки профессии: быть в курсе всего.

Я слышу, как Джейми плюхается на стул, стоящий рядом с кроватью. Открываю глаза, когда он уже сидит.

- Итак, моя новость для вас уже и не новость. А ваша новость о чем?

- «Портреты американцев»!

- «Портреты американцев»? – непонимающе вопрошаю я.

- Ну да! «Портреты американцев»! – отвечает он с особым ударением на двух последних словах. – Это такое ночное телевизионное шоу по четвергам. – Я трясусь головой в знак того, что мне о таком шоу ничего не известно. – Ну портреты! Такие короткие зарисовки биографического характера о всяких замечательных людях. Удивительные факты из их жизни и прочее. Я решил, что их могло бы заинтересовать.

- Что заинтересовать?

- Наша с вами история.

Джейми радостно хлопает в ладоши.

- Сначала мне и самому идея показалась бредовой. Но они, кажется, заглотили наживку.

Я начинаю сосредоточенно наматывать провод от наушников на айпод и одновременно обдумываю новость Джейми. Мой внутренний голос подсказывает, что, несмотря на тот энтузиазм, с которым я взялась организовывать операцию по освобождению Нелл Слэттери, который, впрочем, изрядно поубавился за последние дни (так, впрочем, всегда бывает с сумасбродными идеями!), так вот, внутренний голос говорит мне, что самое лучшее в нынешней ситуации – это залезть с головой под одеяло и не высовываться оттуда до тех пор, пока люди не потеряют интерес к моей персоне. Но та новая Нелл, которая, собственно, и затеяла операцию по освобождению самой себя, – та явно думает иначе. Как-никак, а я же ведь специально наложила на себя епитимью в знак благодарности за свое чудодейственное спасение. Судьба дала мне еще один шанс. Зачем? Для чего? Сама не знаю. Может, лишь затем, чтобы моя новая жизнь стала более интересной, насыщенной... для того, чтобы приподнять планку качества этой самой жизни, перестать принижать себя, уходить в тень, лишь изредка высовываясь из своего темного угла, чтобы посмотреть, что творится вокруг. И вот мое средство на пути достижения поставленной цели. Джейми! И он постоянно рядом. Копаются в моем прошлом, выискивают в нем все новые и новые подробности, мечется в поисках дополнительной информации. А потому мой новый внутренний голос, тот, который я обретаю прямо сейчас, говорит мне,

что этому человеку я могу доверять. Ему можно верить! На прошлой неделе мы с ним подготовили такое продолжительное интервью, больше часа... Канал, на котором работает Джейми, потом транслировал это интервью три вечера кряду. Зрители откликнулись. Их было очень много. Большинство людей зацепило именно то, что я полностью потеряла память. Нас буквально завалили посланиями по электронной почте.

«Ах, я бы отдала все на свете, чтобы стереть из своей памяти любые воспоминания о своих бывших мужьях, – написала нам некая особа по имени Клара из города Айова. – Их у меня было трое, и все подонки!»

«Сердце мое обливается кровью, как подумаю об этой бедняжке, потерявшей память. Какое горе! Я обратилась к членам нашей церковной общины с просьбой помолиться за нее во время воскресного Богослужения», – вторит ей еще одна корреспондентка, которую зовут Евгения, после просмотра передачи по одному из кабельных каналов. Она из приграничного городка Вичиты.

– Но прежде чем вы дадите свой окончательный ответ, взгляните вот на это! – говорит Джейми и с этими словами лезет в свой рюкзак, извлекает оттуда стопку открыток и протягивает их мне.

Я начинаю разглядывать открытки, перебирая их пальцами одной руки. Полуабстрактные рисунки. Но если присмотреться повнимательнее, то можно различить женскую грудь или ямочку на щеке и даже чью-то пухлую попку или неясные очертания подбородка. Краски режут глаз своей какой-то неестественной яркостью: пунцово-красный цвет, похожий на свежую кровь, иссиня-голубой электрик, который невозможно отыскать в живой природе, огненно-желтый, от которого хочется тотчас же зажмуриться.

– Как я понимаю, это работы моего отца? – спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, добавляю: – А я думала, он занимался поп-артом.

– Это его ранние работы. Не так-то просто оказалось их найти. Рори попросту выставила меня вон, когда я попросил на время несколько ксерокопий, ваша мама тоже дважды дала мне от ворот поворот. Тогда я обратился за помощью к своему бывшему однокурснику, который в настоящее время трудится в Колумбийском университете: доцент кафедры искусствоведения. Все эти снимки были сделаны на самых первых выставках вашего отца. – Джейми умолкает. –

Что-нибудь из этого вам знакомо? – спрашивает он после короткой паузы.

– Угадайте с двух раз! – отшучиваюсь я и, склонив голову набок, принимаюсь разглядывать картинки уже в вертикальном положении. – Хотя... хотя, с моей точки зрения, это здорово.

– Рори сказала мне, причем каким-то очень уж обиженным тоном, что вы были его убежищем или что-то в этом роде...

Джейми покачивает головой, пытаюсь вспомнить, что именно сказала Рори.

– Нет, наверное, она все же сказала, что вы были его музой.

– Может, и была! Но теперь я вряд ли помню об этом. – Я снова бросаю взгляд на открытки. – Но на этих картинах изображена не я. Это просто невозможно, коль скоро отец ушел от нас, когда мне едва минуло тринадцать лет.

– Пожалуй, вы правы! – Джейми берет одну из открыток и тоже начинает разглядывать ее. – Да, эти образы навеяны не вами. Все это создавалось еще до того, как вы появились на свет.

– Возможно, он рисовал маму, – высказываю я очередную догадку.

– Возможно! – снова соглашается со мной Джейми, возвращая открытку мне. – Не это для нас сейчас главное. Главное – это «Портреты американцев».

– Вы что, зациклились на этом проекте? – осторожно спрашиваю я, продолжая перебирать открытки. Настоящие раритеты! Надо же! Постарался и откопал их для меня. Никто другой ведь и не подумал сделать это. – Вам-то какой резон от «Портретов американцев»? Чего конкретно вы добиваетесь?

– Да ничего я не добиваюсь! Но, думаю, вскоре они нам сделают предложение. Нам – это вам и мне. Возможно, Андерсону. Никто из нас троих пока не засветился в этой программе. Но они еще не определились до конца с форматом. Возможно, будет четыре серии, подробно рассказывающие о том, как протекал процесс вашей реабилитации, как вы снова адаптировались к нормальной жизни. Словом, вернулись в этот мир. На данный момент я веду переговоры.

– Господи! Неужели мы еще не надоели людям? По-моему, телевидение уже просто обкормило нами всех своих зрителей! – восклицаю я, хотя в глубине души отлично понимаю: нет, не надоели. Нет, не обкормило. Мне же слышно из палаты, как постоянно трезвонит телефон на посту дежурной медсестры, а из окна видны передвижные телестанции различных каналов, которые каждый день паркуются у входа в госпиталь. Наша авиакатастрофа стала самой страшной трагедией последних недель, приобретя поистине национальный масштаб. И пока не случится что-то другое – взрыв бомбы, теракт, громкий спортивный скандал или что-то там еще, – интерес к нам не угаснет.

– Если я что и понимаю в своей профессии, так это то, что истории, подобные вашей, всегда находят живой отклик в сердцах слушателей и зрителей. Посудите сами! Вы в общем и целом обычная молодая женщина, одна из многих сотен тысяч других. И вдруг, в одно мгновение, вся ваша жизнь перевернулась. Вы остались живы, но прошлое стерлось из вашей памяти. Многие сказали бы: «Какое счастье!», но есть и другие, кто считает потерю памяти настоящей трагедией. Да! Судьба подарила вам второй шанс. Но вы же сами не просили ее о таком подарке! И вот все эти люди читают о вас и думают: «А что сделал бы я, оказавшись на ее месте? Что?!» Получается, что вы – это они, а они – это вы. Во всяком случае, так они думают, когда видят вас на экране телевизора.

– Понятно. Мне все понятно.

Да, мне все понятно, и я все знаю! Хочется чего-нибудь веселенького.

– Едва ли Андерсон согласится на участие в этом проекте, – добавляю я с сомнением в голосе. – Он теперь не ищет славы. Скорее прячется от нее.

Насколько мне известно, в самом начале прошлой недели Андерсона выписали из реабилитационного центра: процесс восстановления всего организма протекал у него поистине на астрономических скоростях. Он уже вернулся в Нью-Йорк, чтобы немного акклиматизироваться в домашней обстановке, прийти в себя, а заодно и поразмышлять над тем, сможет ли он продолжить свою прежнюю жизнь после того, как она сделала такой крутой вираж. Из Бостона на помощь к нему приехали мать и сестра.

Он звонил мне вечером два дня тому назад, уже после своего возвращения к себе. Я в это время как раз смотрела фильм «Роковое влечение». Ерунда

полнейшая! Напрасно послушалась совета. Хотя, с другой стороны, считается классикой жанра мелодрамы. А тут еще и Рори рассказала мне, что в детстве мы часто смотрели этот фильм, и особенно часто пересматривали всякие сексуально-оптические сценки, и при этом всякий раз испуганно хихикали, накручивая самих себя, частично потому, что заранее знали, что вот сейчас будет это и это, а потому хихикать начинали уже заранее.

Когда зазвонил мой мобильный, я как раз смотрела очередную душещипательную сцену, попутно примеряя ее к собственной жизни. Прежние сомнения относительно Питера снова всколыхнулись во мне, вопреки всем маминим витиеватым рассуждениям о всепрощении и несмотря на все мольбы самого Питера. Я молча пялилась на экран, разглядывала бешеные глаза Гленн Клоуз, беспорядочную копну ее кудрей и пыталась вообразить себе, какова эта Джинджер. Вот такая, как героиня Клоуз? Или нет? А потом я стала размышлять о герое, сыгранном Майклом Дугласом. Вот удовлетворит свою животную страсть, а что потом? Понимает ли он, какую рану нанес жене, как испоганил всю их семейную жизнь? Извлек ли он надлежащий урок из всего того, что случилось? Вот это маловероятно. Хотя должен был бы. И не потому что героиня Клоуз почти разрушила его семью, а потому что – и это главное! – он вообще не имел права поступать подобным образом. То есть разница между тем, что я вижу на экране, и тем, что случилось в моей жизни, все же есть. И я понимаю это. Ну а что касается подробностей, то о них я, скорее всего, не узнаю никогда.

Джинджер! Гленн Клоуз!

Несмотря на то что я пообещала Питеру все забыть, история его измены постоянно всплывает в моих мыслях. Я пока никак не могу забыть то, чего забыть не могу. К тому же больше никаких сопутствующих воспоминаний в моей памяти не сохранилось. Нечем заполнить тот вакуум, который образовался в голове после потери памяти. А потому я снова и снова прокручивала мысленно весь сценарий интрижки мужа со своей коллегой по работе. В любом случае звонок Андерсона пришелся как нельзя более кстати. Отвлеч от невеселых мыслей, позволил переключиться на что-то другое.

– Не слишком вы доверяйте этому типу Джейми! – первым делом поспешил он предупредить меня. – Сестра показала мне ту программу, которую он сделал с вами. Которую на прошлой неделе показывали по телевизору. Все три части. Они сейчас выложены на YouTube.

– Знаете, мне сейчас вообще трудно доверять кому бы то ни было! Доверие для меня сегодня – это такая движущаяся мишень. Только успевай следить за ее перемещениями. К тому же, помнится, вы говорили мне, что я должна научиться управлять прессой и не позволять им манипулировать собой.

– Ага! Вижу, что ученица уже превзошла своего учителя! – смеется в трубку Андерсон. – Овладели, так сказать, всеми приемами ушу, как знаменитый Джет Ли, фильмами которого я засматривался в пору своего становления. Тоже ведь учился закаляться.

Голливуд! Что тут скажешь! Лишнее напоминание о том, в каких разных мирах вращаемся мы с моим товарищем по несчастью.

Кивком головы Джейми дает мне понять, что моя аргументация услышана и принята к сведению. Итак, мой учитель по навыкам управления прессой вообще исключен из игры.

– Мне так тоже кажется. Я так и сказал руководителям проекта. Посоветовал им забыть на какое-то время об Андерсоне и всецело сосредоточиться на вас.

– Почему?

– Почему именно на вас? Или почему я стал убеждать их отказаться от приглашения Андерсона?

– И то, и другое!

– На оба вопроса у меня один и тот же ответ. Когда я еще только начал зондировать почву относительно возможности нашего участия в их программе, мне сказали, что у одного из их продюсеров есть кое-какие материалы касательно вашего отца. Старая информация, но все же... Она неизбежно придаст остроты всему сюжету, будет держать зрителя в некотором напряжении. То есть человек, который станет смотреть передачу, не будет торопиться переключать его на другой канал.

– А что за информация? – спрашиваю я, чувствуя прилив адреналина в крови.

– Понятия не имею! – честно признается Джейми. – Они не станут раскрывать все свои карты до того, пока не удостоверятся, что передача точно состоится и пойдет в эфир.

Некоторое время мы оба молчим.

– С другой стороны, Нелл, вы же понимаете и без меня весь этот телевизионный расклад, – начинает Джейми не совсем уверенным тоном. – Вы обратились ко мне за помощью, попросили нарыть как можно больше информации о вашем прошлом. Я старался как мог. Но надо признать очевидное. Без участия Андерсона передача, скорее всего, получится – как бы это поделикатнее выразиться – такой дохленькой... Сами понимаете: нет сенсации, нет рейтинга. Но если мы вплетем в сюжет историю вашего отца, если у нас появится хотя бы один мизерный шанс отыскать его, то...

Он снова умолкает, словно боится озвучивать вслух свои дальнейшие планы.

Я раздумываю над его словами. Не надо большого ума, чтобы понять, что меня откровенно используют. Вот тебе и простенькая сделка с тележурналистом.

– Вот сейчас я уже хорошо понимаю, что случается с теми простаками, которые обращаются за помощью к обычному деревенскому парню из штата Айова, просят его помочь разобраться с собственным прошлым. Так вы все еще хотите разгадать самую большую тайну моей жизни?

– Хочу!

– Что ж, дерзайте! Быть может, тогда мы сумеем получить ответы и на все остальные вопросы тоже.

– Готов поставить на кон все, что у меня есть. Рискнем! Потому что грех не воспользоваться такой возможностью.

Глава седьмая. «Моя сладкая детка» – песня хард-рок-группы Guns n' Roses

За два дня до выписки из больницы в моей палате снова высаживается боевой десант в составе мамы и Рори. Они заявили, чтобы лишний раз удостовериться в том, что я не просто возвращаюсь к своей старой «новой» жизни, но и возвращаюсь в эту новую жизнь вместе с Питером. То есть возвращаюсь к нему.

– Это ведь твой выбор! – лишний раз подчеркивает мама, косвенно давая понять, что тема всепрощения по-прежнему не снята с повестки дня. – Твой сознательный выбор! Хотя, разумеется, ты можешь переехать ко мне в любое время! – Она кладет ладонь на мою руку и нежно сжимает ее.

– И у меня она тоже может жить! Не вижу никаких препятствий! – подает голос Рори.

– Питер заверил меня, что он со всем справится сам! И никакая посторонняя помощь ему не нужна.

Голос мамы перекрывает последние слова Рори.

– Да уж он-то может заверить тебя в чем угодно! – недовольно фыркает сестра. Обе ведут себя так, как будто меня и нет в палате. А я вот сижу и слушаю их перепалку.

– Словом, выбор всецело за тобой, моя девочка! – подытоживает мама, не обращая внимания на выпад Рори. – Хотя, конечно, в Нью-Йорке тебе будет несравненно проще с посещениями врачей. Да и вообще... Окунешься в привычную обстановку... твой старый мир... Доктор Мэчт говорит, это тоже может помочь вернуть тебе память.

Рори насмешливо фыркает, но тут же спохватывается, что звук получился чересчур громким, и сразу бросается извиняться:

– Я ничего не имею против доктора Мэчта! Честное слово! Я его очень уважаю как специалиста...

– Ты все еще злишься на Питера? – спрашиваю я у нее.

– Есть за что!

– Вот я и говорю! – вмешивается в наш разговор мама, не слишком вникая в его суть или делая вид, что она не поняла того, что имела в виду Рори. – Вот я и говорю! В конце концов, это ее муж. И ей самой разбираться в своих отношениях с ним. – Мама замолкает на какое-то мгновение, а потом добавляет немного раздраженно: – Нужно уметь прощать! Уверена, именно умение прощать поможет тебе снова наладить свою жизнь. Всепрощение станет частью твоей духовной реабилитации. А мы все, не только ты, но и Питер, и все остальные, заслуживаем того, чтобы нам тоже дали второй шанс. Не забывай, моя девочка, что мне уже шестьдесят пять, а я все еще пытаюсь изменить себя в лучшую сторону.

Я безропотно слушаю маму. Прежняя Нелл наверняка тут же затеяла бы с ней спор, стала бы что-то доказывать, выпучив глаза и испытывая тошнотворные позывы от материнских увещеваний, уже успевших набить оскомину. Но я, нынешняя, изо всех сил стараюсь сдерживаться. То есть делаю прямо противоположное тому, что делала раньше. К тому же, и это тоже немаловажно, я всецело доверяю доктору Мэчту. А потому объявляю маме и сестре, что готова наладить отношения с Питером. Попытаюсь склеить наш брак. Итак, я выбираю Питера! Вопреки всем дурным предчувствиям Рори и даже несмотря на то, что и мой собственный внутренний голос, пусть и очень тихо, но тоже шепчет мне остановиться и подумать хорошенько еще раз. Но мама лишь крепче сжимает мою руку, не уставая повторять, что я никогда не пожалею о своем решении. Рори молча жует жвачку, демонстративно воздерживаясь от всяких комментариев.

И вот наконец наступает он, этот долгожданный день. Пора на выход! С памятью или без оной. Из больницы меня сопровождает вся моя прежняя жизнь, которой я абсолютно не помню, но она все равно идет впереди меня, словно освещая дорогу в прошлое. За мной прилетает Питер: муж как обязательный антураж в театральной постановке на тему о моем возвращении в родные пенаты.

– Вас будут наблюдать лучшие специалисты Нью-Йорка, – заверяет меня на прощание доктор Мэчт. – Да вам и самой, наверное, не терпится поскорее окунуться в свою прежнюю жизнь.

– Не терпится! – согласно киваю я, хотя на самом деле мне ни капельки не хочется никуда окунаться! Да и зачем? Правда, мы с Рори уже договорились о том, что я снова приступлю к своим обязанностям в галерее. Поначалу, конечно, неполный рабочий день, какие-то разовые поручения и прочие мелочи, пока не

окрепну полностью. До заключения окончательного семейного перемирия Питер будет спать отдельно, на диване. Сам предложил, сказал, так будет лучше, пока я окончательно не прощу его. Именно так и сказал! Наверняка это мама с ним поработала, детально обсудив и с зятем тоже свою излюбленную тему всепрощения.

Вот и сейчас она бестолково суетится вокруг меня. Трещит без умолку. Несет какую-то чепуху о старом-престаром анимационном фильме про Хитрого Койота, который я смотрела когда-то рано-рано утром, потому что, дескать, не могла заснуть. Господи! – думаю я. Сделай так, чтобы она наконец замолчала! Но я лишь молча кусаю губы. И даже стараюсь изобразить благодарственную улыбку на лице. Вокруг столько других поводов и причин для раздражения. Пожалуй, из этого списка можно исключить маму, пусть и изрядно донимающую меня своей неумемной заботой. Вот она начинает что-то тихонько напевать себе под нос, бесцельно слоняясь по комнате. Делает вид, что не замечает того, что запела. Но тут неожиданно для себя самой я присоединяюсь к ней.

– О! – восклицает мама, поднимает голову, бросает взгляд в мою сторону, потом подбегает и крепко сжимает меня в своих объятиях. – Мы с тобой всегда пели на два голоса. Каждый день, пока ты была маленькой.

Напрасно она кружит по комнате как заведенная. Вещей ведь совсем немного, и паковать особо нечего. Зато целая кипа медицинских бумаг: рекомендации, снимки, бланки, результаты анализов и обследований, кардиограммы и прочее, и прочее. Но вот начинается процедура прощания. Мне нужно многим сказать «спасибо» и «до свидания». Что я и проделываю от чистого сердца, хотя и со смешанными эмоциями. В больничной палате мне было спокойно и уютно. Все предсказуемо, все понятно. Чувствую, как комок застревает в горле. Мне до слез не хочется уезжать из госпиталя. Но я старательно прячу свое грустное настроение за напускным весельем.

Авиакомпания организовала для меня частный перелет. Роскошь, конечно. Но приятно и даже доставляет удовольствие. Во всяком случае, заставляет хоть немного забыть о том ужасе, который пришлось пережить, когда я последний раз взлетала в небо и падала потом оттуда на землю. Впрочем, я ведь все равно ничего не помню, а потому и все пережитые ужасы кажутся совсем нестрашными и даже немного киношными. Стюардесса, обслуживающая рейс, – сама предусмотрительность. Стоит моему стакану опустеть, как она тут же незаметно возникает рядом и снова наполняет его водой или соком. Второй

пилот подходит, чтобы лично поприветствовать нас, представляется, гарантирует, что сюрпризов не будет. Я чувствую, как мама буквально впивается в мое запястье. Это ее так доктор Мэчт напугал. Сказал, что возвращение домой самолетом может спровоцировать у меня некие посттравматические симптомы. Вполне возможно, в моей памяти даже всплывут отдельные фрагменты той фантазмагии, которую мне довелось пережить. Но вот я удобно устраиваюсь в кресле, откидываюсь на спинку, закрываю глаза, втыкаю наушники и включаю музыку. Звучит приятная мелодия, она даже немного перекрывает шум двигателей. И что? Да ничего в моей памяти не всплывает! Абсолютно ничего... Я делаю попытку реконструировать мой разговор с соседом на борту того злополучного самолета. Помнится, Андерсон успел сообщить мне, что уже принял на грудь изрядную порцию водки с тоником. Интересно, о чем мы с ним говорили? Может быть, я рассказала ему, что мой брак распался и вся моя семейная жизнь покатила к чертям собачьим? Маловероятно. Ничего не могу вспомнить. И только когда в ушах звучит знакомый хит, ребята из рок-группы Guns N' Roses с надрывом кричат, почти истошно вопят: «У нее такая улыбка, что мне кажется, будто я снова возвращаюсь в детство»,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Аллюзия на одноименный роман американского писателя Джозефа Хеллера.

2

Sister Christian (англ.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/skotch_elison/melodiya-vo-mne

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)